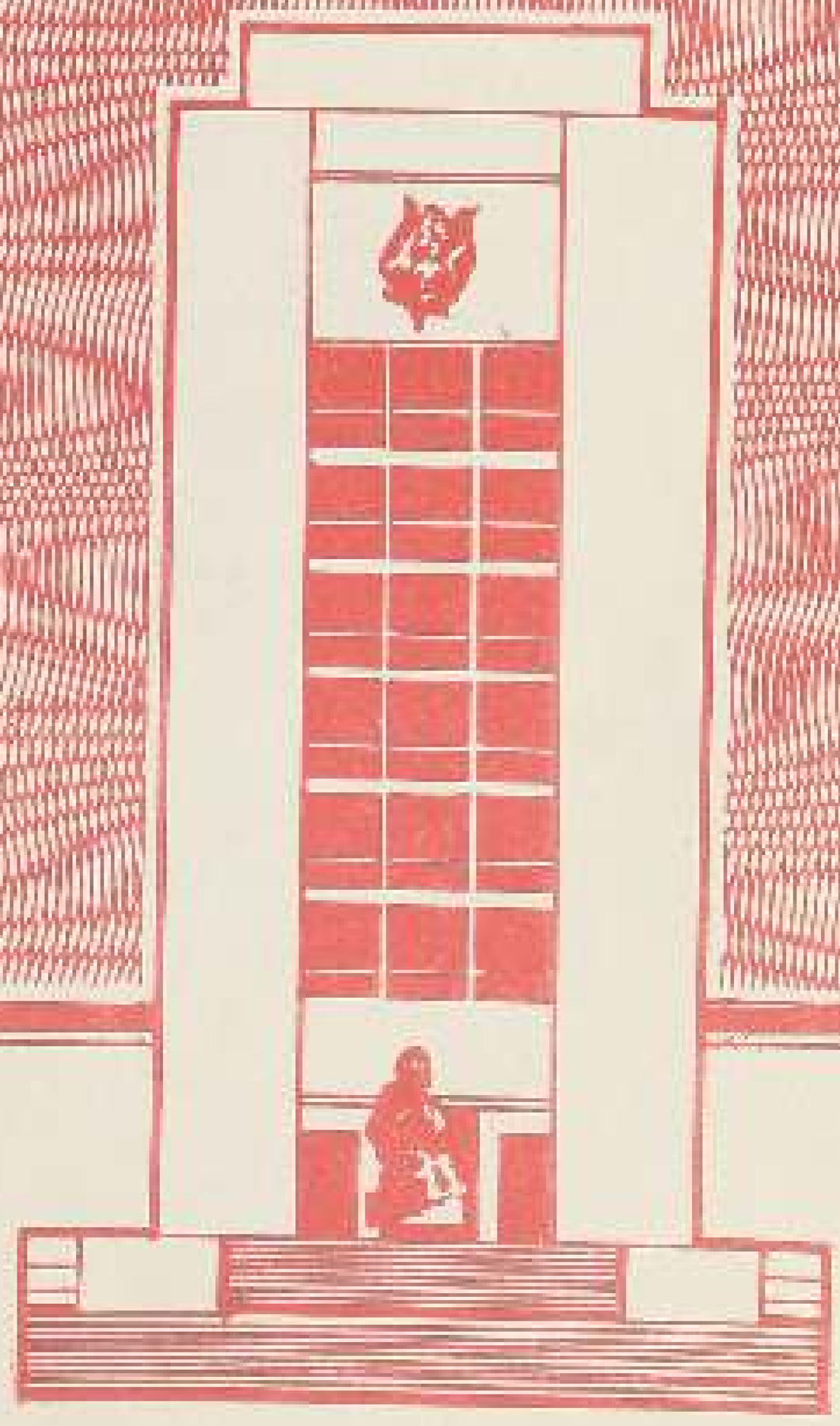
ISSN 0236—2910

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ



3
1992

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

3

1992

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Мордовский университет

Выходит один раз в квартал
Основан в январе 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МОРДОВСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ — 35 ЛЕТ

Куклин В. Н. Первые шаги 4
Балашов В. А., Киричек П. Н. Дорогой знаний и прогресса 9
Лаптун В. И. М. М. Бахтин. Вузовская лекция по литературе 14

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

География
Голубчик М. М. Новейшие политико-географические изменения и проблемы современного мира. Некоторые направления исследования 16

История
Кульков П. И. Истоки кооперативного профессионального образования в Мордовии 19
Белкин А. И. «...Запрещено говорить о боге» (Церковь в системе политических отношений) 23

Экономика
Бакушев В. В., Вдовин С. М. Аграрная политика в России и проблемы формирования рыночных отношений 25

Педагогика
Наумченко И. Л. Пропагандист общечеловеческого образования (О социально-педагогических взглядах Н. П. Огарева) 29
Андронов В. П., Мешков Н. И., Бреев С. И. Связь теории и практики — основа подготовки учителя 34
Савкина Г. П. Подросток и нравственные качества 35

Философия
Махаев В. В. Национальные стереотипы как материал массовой культуры 38

Филология
Липатов С. И. Проблемы преподавания мордовских (мокшанского и эрзянского) языков 41
Иванова Г. С. О двухвариантности звукового оформления некоторых аффиксов 44

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Биология
Санаев Н. Ф., Садовничий Б. Е., Мышляков Г. М. Цитогенетические эффекты стрессовых воздействий на растения 47

Медицина
Лемкина С. М., Зайцев В. М. Влияние некоторых периферических вазодилататоров на токсичность, хроно- и инотропный эффекты строфантина 50

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МОРДОВИИ
Словарные статьи. **Белкин А. И., Каюрова Ю. В., Потапов П. Ф., Поляков О. Е.** 54

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ
Пырсикова И. Л. Новое имя в краеведении Мордовии 59
Юрченков В. А. Знаток и исследователь религий (К 110-летию со дня рождения финского религиоведа Уно Харвы-Холмберга) 60
Сафонова Т. Ф. Хейкки Паасонен (1865 — 1919) 62

Главный редактор Н. **П. Макаркин**

Редакционная коллегия:

Атясов Н. И., Балашов В. А., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь), **Вантюсов Ю. А., Воскресенский Е. В., Гридин А. Е., Доленко Д. В., Ивлев В. И., Кокорев В. А., Лапшин С. А., Макушкин В. М., Малый А. Ф., Мишанин Ю. А.** (заместитель главного редактора), **Мокшин Н. Ф., Нестеров С. А., Ровин В. В., Савкин Н. С., Селяев В. П., Сухарев А. И., Шичкин П. В., Цыганкин Д. В.**

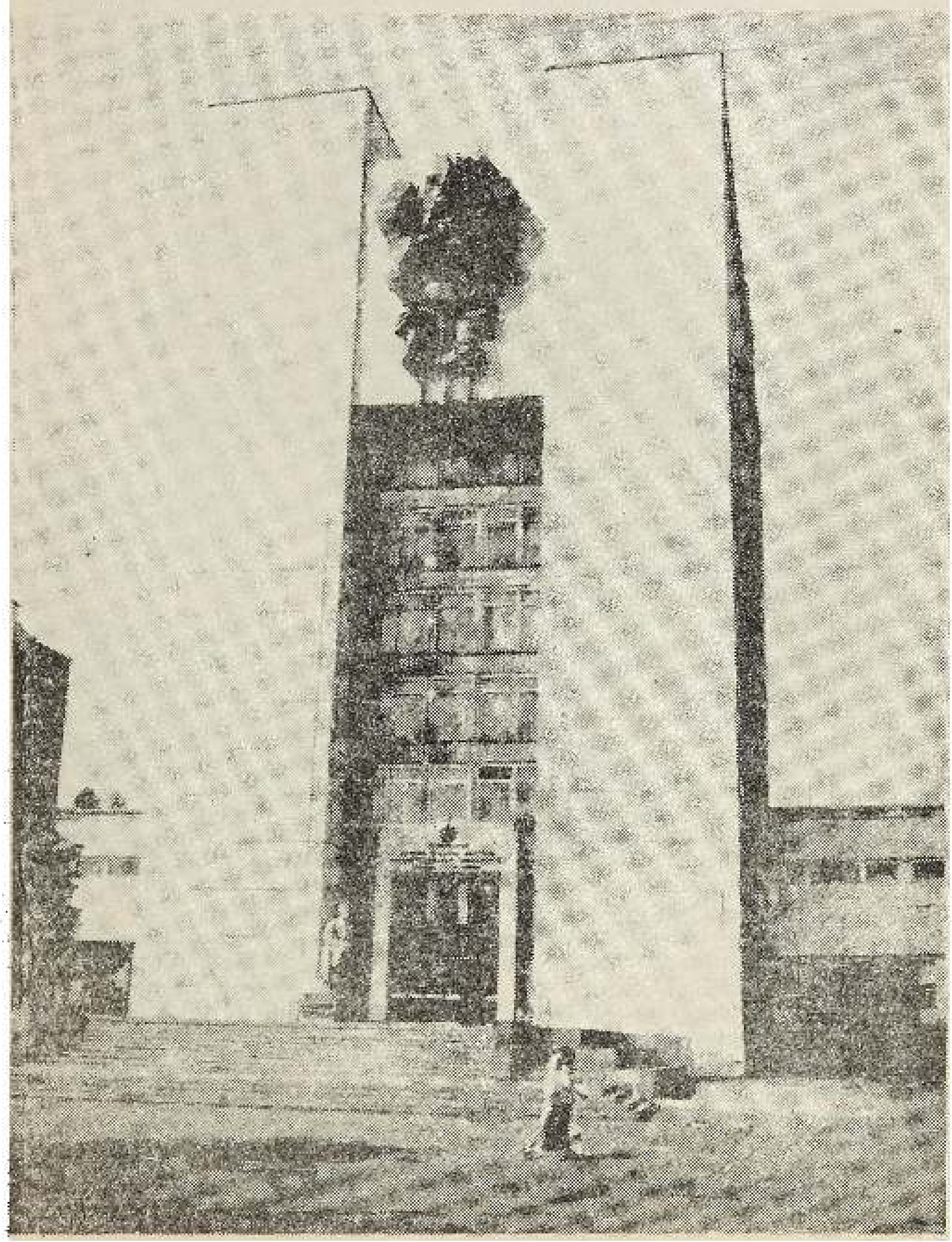
Адрес редакции: 430000, Саранск, ул. Большевистская, 68.

Сдано в набор 24.08.92. Подписано в печать 24.09.92. Формат 70x100 1/16.
Бум. газетная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,16. Уч.-изд. л. 5,00. Усл. кр.-отт. 5,48.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 511. Цена 3 руб.

Типография Издательства Мордовского университета.
430000, Саранск, ул. Советская, 24.

© Мордовский государственный университет, 1992

МОРДОВСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ – 55 ЛЕТ



Свой путь Мордовский университет начал осенью 1957 г. Днем его рождения считается 2 октября, когда вышел приказ Министра высшего образования СССР №1019 об его открытии. Но принятию этого документа предшествовала серьезная работа группы ответственных представителей государственных и партийных органов Мордовской АССР. Многие организационные вопросы, связанные с созданием в столице Мордовии университета, решали Иван Максимович Кшнякин — заместитель Председателя Совета Министров МАССР, Михаил Васильевич Дорожкин — министр просвещения МАССР, Григорий Яковлевич Меркушкин — секретарь Мордовского обкома КПСС.

25 июня 1957 г. в Мордовском обкоме КПСС и Совете Министров МАССР было принято специальное постановление «Об организации университета в Мордовской АССР». В нем определялась структура будущего вуза с факультетами: историко-филологический (специальности: история, русский язык и литература, мордовский язык и литература, иностранные языки), естественный (математика, физика, биология, химия), технический (промышленное и гражданское строительство, электротехника), сельскохозяйственный (агрономия, зоотехния, механизация сельского хозяйства), медицинский (лечебное дело). Для размещения университета передавались здания и сооружения Мордовского педагогического института, областной партийной школы, сельскохозяйственного техникума, ремесленного училища № 2, спиртотреста и комплекс строящихся зданий школы мастеров-десятников, а также закрепленные за указанными учебными заведениями земельные участки, мастерские и подсобные предприятия. Было выделено 60 квартир для преподавателей.

В указанном документе отмечалось, что состояние материальной базы и имеющиеся кадры профессорско-преподавательского состава позволяли организовать в 1957 г. обучение в университете по специальностям историко-филологического, естественного и сельскохозяйственного факультетов. Г. Я. Меркушкину и И. М. Кшнякину поручалось подготовить документы по организации в текущем году медицинского факультета. Технический же факультет намечалось открыть в 1958 г.

22 июня 1957 г. на имя Председателя Совета Министров РСФСР было отправлено ходатайство Министерства просвещения России об открытии в городе Саранске на базе Мордовского педагогического института имени А. И. Полежаева Мордовского государственного университета, а 20 августа вышло постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР «Об организации Мордовского государственного университета». Документ был короткий, но емкий:

«1. Принять предложение Совета Министров РСФСР, Министерства высшего образования СССР и Мордовского обкома КПСС об организации в 1957 — 1958 учебном году в городе Саранске Мордовского государственного университета на базе Мордовского госпединститута.

2. Поручить Совету Министров РСФСР совместно с Министерством высшего образования СССР внести в Совет Министров СССР соответствующие предложения».

3 сентября 1957 г. Председатель Совета Министров РСФСР М. А. Яснов и заместитель министра высшего образования СССР В. Н. Столетов направили в Совет Министров СССР документ, в котором обосновывали предложение об организации в городе Саранске университета.

19 сентября 1957 г. Совет Министров СССР принял постановление №1121 «Об организации Мордовско-

го государственного университета». В нем принимался ряд мер по финансированию, выделению фонда заработной платы, расширению материальной базы — поставке оборудования, увеличению штата коллектива вуза и др.

28 сентября 1957 г. вышел общий документ № 1085 с постановлением Совета Министров РСФСР «О мероприятиях по организации Мордовского государственного университета в городе Саранске» и приказом министра высшего образования СССР В. П. Елютина. В документе предписывалось перевести студентов МГПИ на соответствующие курсы и специальности университета с вручением им впоследствии диплома об окончании университета и университетского нагрудного знака; разрешалось провести дополнительный прием студентов на первый курс в количестве 175 человек; утверждалось штатное расписание административно-управленческого и обслуживающего персонала; рассматривались вопросы финансирования, направления из технических вузов страны преподавателей для чтения лекций по инженерно-техническим специальностям по заявке университета; закреплялись передача и прием учебных зданий, общежитий, объектов капитального строительства; решался вопрос о комплектовании библиотеки литературой; крупным вузам страны (Московскому техническому училищу имени Баумана, Московскому энергетическому и Московскому инженерно-строительному институтам, Московскому, Казанскому, Саратовскому университетам) предлагалось оказать помощь Мордовскому университету в подборе учебной и научной литературы, приеме в аспирантуру по направлению Мордовского университета лиц из коренной национальности, выделить оборудование для организации лабораторий.

В приложении № 1 к приказу министра высшего образования СССР определялась структура университета, а именно: шесть факультетов — историко-филологический, физико-математический, естественный, иностранных языков, инженерно-технический, сельскохозяйственный; шесть общеуниверситетских кафедр, 19 факультетских кафедр, учебно-производственные мастерские при инженерно-техническом факультете. Формировались дневная и заочная формы обучения.

Наконец, 2 октября 1957 г. министр высшего образования СССР издал упомянутый выше приказ, который гласил: «Принять предложение Совета Министров РСФСР и Министерства высшего образования СССР об организации в 1957 — 1958 учебном году в городе Саранске Мордовского государственного университета...».

Исходя из принятых ранее документов бюро Мордовского обкома КПСС и Совет Министров Мордовской АССР приняли постановление «О мерах по организации Мордовского университета». Им предусматривалось проведение 30 октября торжественного собрания студентов и профессорско-преподавательского состава университета, посвященного открытию нового вуза, давалось поручение провести дополнительный прием студентов на I курс инженерно-технического, сельскохозяйственного факультетов и факультета иностранных языков.

30 октября состоялись митинг и общее собрание коллектива Мордовского университета, руководства Мордовии и гостей, прибывших из районов республики, многих вузов страны. На торжественном собрании в Мордовском драматическом театре было сказано много добрых слов и напутствий новому вузу.

На историко-филологическом факультете были открыты специальности «История», «Русский язык и литература», «Мордовский язык (мокша и эрзя) и литература и русский язык и литература»; на физико-математическом — «Физика», «Математика»; на естественном — «Биология», «Химия»;

на факультете иностранных языков — «Английский язык», «Немецкий язык»; на инженерно-техническом — «Промышленное и гражданское строительство», «Электротехника»; на сельскохозяйственном — «Агрономия», «Зоотехния», «Механизация сельскохозяйственного производства». Открыты 23 кафедры, различные подразделения управления. В начале 1957/58 учебного года в университет поступили 500 студентов. Дополнительно в октябре было зачислено 159 человек на инженерно-технический и 107 — на сельскохозяйственный факультеты.

В штате преподавателей числились 175 человек, в том числе два доктора наук, один профессор, 54 кандидата наук, 36 доцентов, 79 старших преподавателей, 70 ассистентов; 63 человека из них окончили Мордовский пединститут, остальные — другие вузы страны, были даже выпускники Варшавского и Лозаннского университетов. Среди преподавателей было 126 русских, 35 — мордвы. Государственные награды имели 129 человек.

На 1 января 1958 г. в вузе числились около 2 тыс. студентов, из них мордвы — 588 человек. На историко-филологическом факультете занимались около 350 студентов, на естественном — более 260, иностранных языков — около 360, физико-математическом — свыше 520, инженерно-техническом — около 160, и самым маленьким был сельскохозяйственный факультет — около 110 студентов.

Первые годы работы Мордовского университета были наиболее трудными, насыщенными поисками путей решения многих вопросов и проблем в учебном процессе, подготовке кадров, расширении и укреплении материальной базы, комплектовании технических лабораторий оборудованием, библиотеки учебной и научной литературой, организации обучения студентов на вечернем и заочном отделениях, создании новых факультетов, кафедр, лабораторий, постановке издательского дела, строительстве новых и ремонте старых зданий и т. д.

Так, на расширенном заседании совета Мордовского университета 28 сентября 1958 г. рассматривались вопросы «О мероприятиях по выполнению приказа министра высшего образования СССР № 737 от 7 июля 1958 года "О работе Башкирского, Дагестанского и Мордовского университетов и мерах по ее улучшению"», «План работы университета на 1-е полугодие 1958/59 учебного года», «Обсуждение проекта Устава Мордовского университета». Докладывали и. о. ректора Н. Н. Молин и проректор по учебной работе П. В. Ромадин. На совете выступили заведующие кафедрами истории народов СССР доцент М. Г. Сафаргалиев и ботаники профессор В. Н. Ржавитин, поставившие вопрос о создании научной библиотеки и читального зала периодики для профессорско-преподавательского состава; заведующий кафедрой зоологии профессор И. М. Исайчиков проинформировал о подготовленности кафедры к учебному году; преподаватель В. В. Белый остановился на недостатках в преподавании иностранных языков, отметив, что изучение английского и немецкого языков группами в 25 — 30 человек неэффективно, а для нормальной постановки учебного процесса необходимо делить группы на подгруппы, кроме того, нужен кабинет иностранных языков с лингафонным оборудованием.

При обсуждении проекта Устава университета сделаны существенные замечания. Так, Д. П. Бочкарев отметил, что Устав нуждается в доработке, и предложил создать редакционную комиссию для шлифовки текста этого документа. В. Д. Скворцов обратил внимание на то, что в Уставе нет места общественным организациям, в частности местному комитету университета, и предложил обсудить проект Устава на профсоюзных собраниях. Прислушавшись к этим реко-

мендациям, совет создал редакционную комиссию по доработке текста в составе: П. В. Ромадин (председатель комиссии), Ф. М. Алемайкин, В. Н. Ржавитин, В. Д. Скворцов, Д. П. Бочкарев, А. И. Маскаев, Н. И. Черапкин, П. С. Шишканов, О. И. Грицкова.

21 октября 1958 г. вышел в свет первый номер многотиражной газеты «Мордовский университет». Ее первыми редакторами были историки Е. П. Гущин и Т. В. Попков, языковед Н. Ф. Цыганов.

С первых лет существования коллектив университета вел насыщенную внутреннюю и внешнюю жизнь. После основных занятий студенты посещали научные кружки, принимали активное участие в художественной самодеятельности, спортивных мероприятиях, помогали убирать урожай на целинных землях Казахстана и на полях Мордовии; строили ТЭЦ-2, завод медицинских препаратов в Саранске, цементный завод в Чамзинском и сахарный в Ромодановском районах; достраивали общежития студенческого городка на улице А. Невского, общежитие на улице Б. Хмельницкого, пристрой к главному учебному корпусу. Для строящихся объектов студенты организовали строительные бригады, которые стали прообразом студенческих строительных отрядов.

В 1959 г. в состав ректората входили: Н. Н. Молин — ректор, кандидат исторических наук; Ф. М. Алемайкин — проректор по научной работе, кандидат физико-математических наук; П. В. Ромадин — исполняющий обязанности проректора по учебной работе, кандидат педагогических наук; И. М. Кшнякин — проректор по заочному обучению. Д. П. Бочкарев возглавил физико-математический факультет, Г. Г. Данилов — сельскохозяйственный, А. И. Маскаев — историко-филологический, С. П. Назаров — естественный, В. А. Карташов — инженерно-технический.

Солидными научными кадрами были укомплектованы кафедры, создававшиеся еще в педагогическом институте. Например, на кафедре мордовских языков и литературы насчитывалось пять кандидатов наук, доцентов. С этой кафедры впоследствии вышли четверо докторов филологических наук, профессоров — Михаил Никитич Коляденков, Андрей Иванович Маскаев, Николай Иосифович Черапкин, Дмитрий Васильевич Цыганкин. Видным мордовским поэтом стал преподаватель кафедры Артур Матвеевич Моро.

На кафедре русской и зарубежной литературы трудились одиннадцать человек, в том числе семь кандидатов наук. Заведовал кафедрой известный ученый Михаил Михайлович Бахтин. Опытные кадры были на кафедре истории народов СССР, которую возглавлял Магомет Гарифович Сафаргалиев.

Венцом всей многогранной деятельности вуза является выпуск специалистов. В 1958/59 учебном году из 546 студентов, допущенных к госэкзаменам, успешно выдержали их 537 человек. 34 выпускника получили диплом с отличием. Некоторые из них впоследствии стали преподавателями высшей школы. Так, Н. Ф. Мокшин после окончания исторического отделения учился в аспирантуре, защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации, стал профессором Мордовского университета, много лет заведует кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии. В. С. Тягушев после университета ряд лет преподавал историю в сельской школе, поступил учиться в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и много лет преподает на родном факультете. В. Ф. Названов закончил аспирантуру Саратовского университета, стал кандидатом, затем доктором физико-математических наук.

В первые годы выпускники университета с учительской специальностью направлялись на работу не только в школы Мордовии, но и за ее пределы — в основном в Сибирь и Среднюю Азию. Некоторые пришли в национальные газеты и журналы:

Н. В. Моторкин и Р. С. Кривова — в «Эрзянь правду», Ю. Ф. Кузнецов — в «Мокшень правду». Юрий Федорович впоследствии стал видным мордовским писателем. Его перу принадлежат книги «Все начинается с дороги», «Колокольчики мои», «Дальний семафор», «И снова лето».

В университете сложились три основных направления в подготовке кадров высшей квалификации: инженерно-технических работников для электронной промышленности, промышленного и гражданского строительства; сельскохозяйственных кадров — агрономов, зоотехников, инженеров-механиков; учителей средних общеобразовательных, восьмилетних школ и школ рабочей и сельской молодежи.

Предпринимались шаги по укреплению и расширению материальной базы: создано 15 лабораторий инженерного и сельскохозяйственного профиля; территория учебно-опытного хозяйства увеличена с 3 до 500 гектаров; учхоз обеспечили современной техникой, оборудованием; фонд библиотеки вырос до 206 тысяч томов; при активном участии студентов построен студенческий городок из нескольких двухэтажных домов на 500 мест. Введен в действие пристрой к главному учебному корпусу площадью 13 500 м^2, начали работать буфет и столовая.

3 августа 1959 г. было организовано Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, в ведение которого с 11 августа передан Мордовский университет.

В марте 1960 г. в должность ректора вступил Григорий Яковлевич Меркушкин, имевший богатый опыт работы в школах, Министерстве просвещения МАССР.

С 1961 г. началась новая полоса структурных изменений в университете — создавались новые кафедры, факультеты. В 1962 г. на базе инженерно-технического факультета созданы строительный и электротехнический; из структуры сельскохозяйственного факультета выделился факультет механизации сельского хозяйства. Число кафедр достигло 44. В 1964 г. организован Рузаевский филиал с общетехническим уклоном и контингентом студентов в 300 человек, в 1967 г. открылся медицинский факультет со специальностью «Лечебное дело», а в 1969 — экономический.

Постоянно рос контингент студентов и преподавателей, увеличивался выпуск специалистов. В 1962 г. дипломы получили 700 молодых специалистов, уже полностью занимавшихся по университетским планам и программам. Саранск стал называться университетским городом. В 1963 г. в университете обучалось около 7 тысяч студентов, трудились 340 преподавателей, из них 3 профессора, 82 кандидата наук, доцента. В 1965 г. 15 преподавателей успешно защитили кандидатские диссертации, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы И. Д. Воронин и заведующий кафедрой биохимии Е. В. Сапожникова решением ВАКа утверждены в ученом звании профессора.

В 1966/67 учебном году университет окончили уже 930 человек. На 8 факультетах количество студентов составляло около 16 тысяч человек; 9 кафедр возглавляли доктора наук и профессора; 168 преподавателей имели ученую степень кандидата наук.

Эффективно велась научно-исследовательская работа, результатом чего были авторские свидетельства, медали ВДНХ и свидетельства участников выставки. Активное участие в ней принимали студенты, лучшие из которых награждались грамотами, медалями, аттестатами, премиями. Университет издавал учебники, монографии, методические пособия, статьи по разным научным проблемам.

В 1969 г. вступил в строй новый учебный корпус, где разместились три факультета: историко-филологический, иностранных языков и экономический, а также кафедры общественных наук.

Прошло чуть более десяти лет. 1957 — 1969 гг. явились первым, самым трудным этапом в жизни Мордовского университета. Далее начался новый период, насыщенный многими важными событиями.

В. Н. КУКЛИН,
кандидат исторических наук

ДОРОГОЙ ЗНАНИЙ И ПРОГРЕССА

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева готовит высококвалифицированные кадры по 34 специальностям: 11 — гуманитарным, 12 — естественным, 11 — инженерным. Сейчас в вузе 16455 студентов: 8450 — на дневном, 1095 — на вечернем, 6910 — на заочном отделениях.

В университете трудятся 1180 преподавателей, в том числе 52 доктора наук и 632 доцента, кандидата наук.

В структуре университета 17 факультетов и Рузаевский филиал, 115 кафедр, научно-исследовательский сектор, три научно-исследовательских института. Он располагает 19 учебными корпусами, 267 учебными лабораториями, 10 лингафонными кабинетами, 152 единицами вычислительной техники. В его составе учебно-опытное хозяйство, ремонтно-строительный участок, экспериментально-опытное производство, мастерские, издательство с типографией, ботанический сад, биологическая станция, астрономическая обсерватория.

Гордостью университета является научная библиотека с девятью абонементами и двенадцатью читальными залами. Книжный фонд насчитывает около 2 миллионов томов, на четверть объема он состоит из учебной и учебно-методической литературы.

В университете работает Дом культуры с 17 коллективами художественной самодеятельности, мордовским хором и симфоническим оркестром. Посетителей принимают 11 музеев.

Университет с начала своей деятельности подготовил более 65 тыс. дипломированных специалистов самого разнообразного профиля. Агрономы и строители, светотехники и химики, механики и физики, математики и историки, медики и филологи, юристы и журналисты — все они, вооруженные самыми передовыми знаниями, пополняли ряды тружеников промышленной индустрии, аграрного сектора, образования, науки, культуры, искусства республики.

Проделанный университетом объем учебно-педагогической работы трудно поддается обычным измерениям. Если статистически соотнести всех его выпускников с населением республики, получится удивительная цифра — за годы существования главный вуз дал высшее образование каждому четырнадцатому местному жителю.

Мордовский университет отвечает своему названию, твердо следуя взятому со дня основания курсу на сохранение и развитие коренной национальности, попавшей в трудные для выживания условия из-за исторической разобщенности и ускоренной ассимиляции. Ежегодный набор студентов из числа мордвы всегда выдерживается на уровне пропорций, сложившихся в населении республики. Сейчас он составляет 35 процентов. Другими словами — каждый третий выпускник (около 400 человек ежегодно), приходя на работу, несет с собой помимо профессионально-практических навыков элементы культуры, языка, традиций, обычаев того народа, именем которого названа республика, сохраняя и приумножая уникальный потенциал духовно-материального бытия мордвы. В 1992 г.

в университете создана лаборатория научно-прикладных исследований возрождения и развития мордовского народа, которая координирует всю научно-исследовательскую работу в области археологии, этнографии, изучении мордовских языков, литературы, фольклора.

Долгий и трудный путь создания и модернизации собственной научно-педагогической, учебно-методической и материально-технической базы имел одну цель — превратить молодое высшее учебное заведение в действительный храм знаний, который и по форме, и по содержанию отвечал бы этому высокому определению. Особенно удачными оказались последние пять лет, когда были построены, введены в эксплуатацию и переданы университету учебно-лабораторные корпуса электротехнических и сельскохозяйственных факультетов. Сегодня на одного студента дневного отделения приходится учебно-лабораторной площади 12,6 м^2 и учебно-научного оборудования на 4,3 тыс. рублей. Солидная техническая оснащенность позволяет большинству выпускников естественных и инженерно-технических факультетов и части гуманитариев покидать стены вуза и вступать в профессию компьютерно грамотными. В реализации идеи непрерывной компьютеризации учебы достигнут высокий показатель — 50—60 часов машинного времени в год на одного студента. И конечно же, техническая вооруженность облегчает и оптимизирует процесс усвоения знаний, ведь здесь в тесном союзе работают мышление и память самого человека и его надежного помощника — машины современного поколения.

Все годы своего существования университет отдавал приоритет качеству знаний специалистов. И определял в этой области резервы внутренние и внешние. Что касается первых, то они целиком зависят от университета: его технической и методической оснащенности, уровня квалификации преподавательского корпуса. А вот чтобы задействовать внешние резервы, университет взял на себя формирование контингента абитуриентов. Он активно пошел навстречу средней и профессиональной школе, преследуя цель повысить интеллектуальный рейтинг поступающих в вуз. Ученые и преподаватели приняли самое непосредственное участие в организации и развитии нетипичных средних и средних специальных учебных заведений — гимназий, лицеев, академических классов, колледжей; находили одаренных ребят, определяли их природные наклонности и под них индивидуализировали, насколько это было возможно, учебный процесс.

Другой эффективный рычаг — организация курсов подготовки к поступлению в вузы для рабочей и сельской молодежи. Идея эта родилась в стенах университета, и весь его коллектив причастен к ее реализации. Причем преподаватели обучали будущих абитуриентов с выездом на места — на базе школ, училищ, техникумов в Ковылкине, Ардатове, Краснослободске, Атяшеве, Зубовой Поляне, Больших Березниках. За три последних года учебно-консультативную помощь на курсах получили 7,5 тыс. абитуриентов, половина из них стала впоследствии студентами. Заблаговременная работа на свой же собственный экзаменационный конкурс позволила университету заметно повысить интеллектуальные возможности формируемого студенческого контингента и ставить перед ним в ходе учебного процесса более сложные задачи.

Спектр профессий, которые дает университет, необычайно широк. Из них самые массовые — преподаватель, врач, экономист, инженер, аграрник. Для студента планы предполагают недельную нагрузку в 30 — 35 академических часов, индивидуальную и самостоятельную работу, продолжительную по срокам практическую подготовку и два вида итоговой аттестации — госэкзамен по специальности и защиту дипломной работы. Этот учебно-методический конвейер гарантирует всем, кто через него проходит, оптимум профессиональных — теорети-

ческих и практических — знаний, пригодных для трудовой деятельности. Но апробированная схема обучения будущих специалистов не является догмой. Она дополняется индивидуальными формами подготовки, которые учитывают интересы и склонности особо одаренных студентов. Прирост новых знаний требует адекватной модернизации форм учебного процесса. Последний все шире и смелее вбирает нестандартные приемы и способы, ситуационные и ролевые игры, метод «малых групп», программированный контроль, рейтинговую систему оценки знаний студентов. Практическая сторона учебы в университете необычайно широка и разнообразна. Как минимум четырежды за время пребывания на дневном отделении студент проходит учебно-производственную, педагогическую и преддипломную практику.

Венчает учебный процесс в университете итоговая аттестация. Сдача госэкзамена, написание и защита дипломных работ — это прежде всего проверка мышления студента, его теоретических и эмпирических знаний. Поскольку тематика работ — явление подвижное, динамичное, кафедры университета ежегодно пересматривают ее с целью обновления с учетом изменившихся потребностей в политической, экономической, социальной и духовной сферах общественного бытия. Другой критерий — непосредственная связь с госбюджетными и хоздоговорными исследованиями, заявками предприятий, с решением конкретных прикладных задач по месту будущей работы дипломников. Большинство дипломных работ (проектов) рекомендуется полностью или частично к изданию, внедрению, участию в конкурсах. В 1990 г. каждая седьмая, в 1991 — каждая девятая дипломная работа рекомендована к внедрению. Каждая третья из этих работ уже приносит прибыль трудовым коллективам.

Есть у университета и другое призвание — быть храмом науки, работать на интеллект республики. Мордовский университет, замышлявшийся как периферийный (в хорошем смысле) вуз, жестко завязанный на потребности динамично развивающегося региона, со временем перерос эти рамки. И прежде всего — в научной сфере. На его примере можно констатировать, что стойкие прежде понятия «столичная» и «провинциальная» наука стали условной вещью. Грани между ними по масштабам проблем, уровню разработки и ее результативности во многом нивелируются.

За прошедшие годы университет превратился в один из крупных научных центров Нечерноземной зоны Российской Федерации. Доверие большой науки к региональному вузу, освоившему передовую научную технологию, подтверждается фактами далеко не местного значения. Университет руководит реализацией межвузовских научно-технических программ «Агрокомплекс», «Человек и свет», научно-практической программы «Регионология», на его базе функционируют головные советы по проблемам агропромышленного комплекса и регионологии.

В реализации научного потенциала университета четко проглядывает триединство фундаментальных исследований, прикладных разработок и наукоемкого производства. Политехническая структура вуза формирует, естественно, и характер исследований. Он, как сказал бы много лет отдавший университету великий филолог М. Бахтин, необычайно полифоничен — ученые вуза разрабатывают 40 комплексных целевых программ: «Человек и окружающая среда», «Магнитные жидкости», «Физика высоких энергий», «Радиационная биология», «Катализаторы и малотоннажные материалы», «Биосистемы», «Надежность конструкций», «Системы автоматизированного проектирования», «Здоровье», «Реактив», «Народы России: возрождение и развитие», «Высшая школа России», «Экология и охрана природы Российской Федерации», «Информатизация России», «Университеты России» и т. д. Их содержание гармонично синтезирует проблемы определяющих направлений общественного развития.

Фундаментальные исследования ведутся параллельно с прикладными. Причем действует полный цикл научно-производственной деятельности, состоящий из четырех этапов: исследование — разработка — внедрение — серия, ставший возможным после того, как в вузе заработали экспериментально-опытное производство и конструкторско-технологический отдел. Новый импульс научно-производственный конвейер университета получит с пуском экспериментального завода, который позволит заметно увеличить выпуск малых серий приборов, установок и машин для хозяйственного комплекса.

Рожденная в стенах вуза наукоемкая продукция имеет потребителей во всех регионах страны. Серьезную конкуренцию выдерживают прецизионные источники питания, автоматизированные классификаторы параметров силовых полупроводниковых изделий, электротехническая аппаратура с испарительным охлаждением, квалиметры резисторов, различные типы электронной пускорегулирующей аппаратуры для люминесцентных ламп. Целый сериал полезных разработок получил от ученых университета аграрный сектор республики. Многие виды новой техники рекомендуются для коммерческой реализации за рубежом. Во Всероссийском выставочном центре за последние пять лет университет продемонстрировал 49 экспонатов и получил 16 медалей.

Духовность как социальный феномен, ее особый в России генезис, специфический статус, своеобразное воплощение в модели общественного устройства интегрировались в исследованиях ученых-гуманитариев. Философы, историки, юристы, социологи нацелены на изучение динамики социальной структуры общества, развития межнациональных отношений, становления правового государства. Российская интеллигенция в лице своей передовой части — ученых сталкивается с жесткой необходимостью заняться поиском ответа на вопрос, как трансплантировать без зловещих социальных катаклизмов русскую идею национально-государственного развития в общее русло мировой цивилизации. Основное оружие ученого-гуманитария — слово, идея, гипотеза, теория, позволяющие «вычислить» истину и обосновать подходы к ней. Но все чаще духовные исследования в университете заканчиваются выходом в жизнь, что является самой авторитетной аргументацией правильности выбранного пути. В частности, у ученых-экономистов давно назрела идея перестройки системы управления и создания нового хозяйственного механизма в промышленном и аграрном секторах. Результатом их исследований стали оригинальные методики перехода производственных подразделений на хозяйственный расчет и арендные отношения.

Творческое содружество ученых Мордовского университета с коллегами из отечественных и зарубежных вузов нашло предметное выражение в 90 заключенных договорах о научно-техническом сотрудничестве. На базе университета часто проводятся научные конференции, подтверждая его высокое интеллектуальное реноме в стране и особенно в Нечерноземье. К тому же мордовская наука часто получает заграничную визу: наши ученые активно участвуют в международных симпозиумах.

При университете создан Региональный межотраслевой центр повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства. В его состав входят 4 факультета: ФПК преподавателей вузов, ФПК организаторов народного образования, ФПК руководителей и специалистов промышленности и строительства, ФПК руководящих кадров колхозов и совхозов и специалистов сельского хозяйства, а также отделение «Стандартизация и метрология». За пять лет работы РМЦПК повысили квалификацию около 5 тыс. руководителей и специалистов народного хозяйства из разных регионов Российской Федерации.

Рубеж веков стал переломным для страны. Многое изменилось — в обра-

зе жизни, социально-экономическом укладе, психологии людей. Не явилась исключением и высшая школа. Долгие годы университет был научно-педагогической «деталью» административно-командной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Три с половиной десятилетия он исправно выполнял госзаказ на профессиональные знания, носителями которых являлись подготовленные им специалисты. В каком качестве и количестве — тоже решали наверху, оставалось лишь исполнять разнарядку. Кадры, финансы, разработки, эксперименты — все, чем жил вуз, направлялось из центра.

Теперь нормированная жизнь высшей школы осталась в прошлом. Плановое ее начало сменилось рыночным. Главный заказчик — государство, оно же — основной плательщик предоставило вузам автономию. И вписаться высшей школе в новое социально-экономическое бытие непросто. Чтобы выжить, вузу надо искать надежных заказчиков на специалистов высшей квалификации и зарабатывать средства на существование. Первый шаг к рынку сделан — начала функционировать контрактно-договорная система обучения студентов. Хорошее образование стоит дорого. Эту истину мы только сейчас познаем. Хорошая наука стоит еще дороже. Рынок научных идей — второй источник интенсивного саморазвития университета. Подходы к нему уже сделаны. В структуре вуза действуют 15 малых научно-внедренческих предприятий, 5 научно-производственных кооперативов, филиал совместного советско-финского предприятия «ЭВМ-Фредрикссон». Их разработки приносят немалый доход и пополняют бюджет вуза.

Итак, Мордовский университет за сравнительно небольшой период своей жизнедеятельности накопил немалый позитивный капитал. Однако было бы наивно утверждать о беспроблемности нашей многообразной университетской жизни. Известно, что высшее образование, как, впрочем, и информационно-воспитательная деятельность вообще, не может быть свободным от своего времени. Оно отразило в себе все особенности тоталитаризма, явившись детищем и одновременно условием воспроизводства административно-командной системы в нашей стране. Основанная на муштре, зубрежке и воспроизводстве информации по принципу «выучил — ответил», эта система могла быть оправдана в годы ликбеза, масштабного развития среднего специального и высшего образования, когда широкие слои населения шли от незнания к знанию. Но на современном этапе такой подход стал анахронизмом, элементом механизма торможения. Между тем и сегодня многие преподаватели преподносят (и это не вина их, а беда) достижения науки не как живое движение человеческого разума, а как готовую продукцию, статичную информационную совокупность, которую необходимо лишь зазубрить.

Современная модель высшей школы, тем более университета, предполагает, чтобы учебный процесс подчинялся не столько задаче информационного насыщения, сколько формированию творческого мышления (естественно, на базе накопленного эмпирического материала), развитию интеллектуального потенциала. Такой качественно новый подход требует от нас радикальной реконструкции всех звеньев учебного процесса.

Немало проблем ставят перед нами складывающаяся рыночная экономика, взятый курс на переоценку общечеловеческих ценностей, преодоление политического догматизма, идеологического начетничества и т. д. Словом, отдавая должное пройденному пути, мы осознаем наличие множества трудных задач, для решения которых потребуется максимум усилий всех учебно-научных и хозяйственных подразделений коллектива университета.

В. А. БАЛАШОВ, доктор исторических наук, проректор по учебной работе,
П. Н. КИРИЧЕК, кандидат исторических наук

М. М. БАХТИН. ВУЗОВСКАЯ ЛЕКЦИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Более 15 лет научной и педагогической деятельности М. М. Бахтина связаны с Саранском. И как бы банально это ни звучало, он оставил поистине неизгладимый след в памяти многих студентов саранских вузов. Еще не обладая титулом всемирно известного ученого, он привлекал к себе людей высокой интеллигентностью, безграничной заинтересованностью не только в работе, но и в конечном результате своего труда, неравнодушием к людям.

В период работы в МГПИ и МГУ Бахтин вел курсы античной литературы, литературы средних веков, введения в литературоведение, немецкой и английской литературы. Учитывая наряду с преподавательской серьезную научную и большую общественную работу (чтение лекций для учителей, города, артистов театра и т. д.), мы можем говорить о колоссальной работоспособности этого человека, источником которой являлась подлинная увлеченность своим делом. Используя записи протоколов заседаний кафедры, ученого совета вуза, объединенных заседаний кафедр, в выступлениях на которых отразились идеи М. М. Бахтина по многим вопросам высшей школы и науки, нам бы хотелось полнее показать многогранную деятельность ученого. Бахтин — методист, Бахтин — педагог: таким предстает он из тех скупых, подчас торопливых записей протоколистов, зафиксировавших суть его выступлений перед коллегами.

О методике чтения лекций

...Вузовская лекция по литературе ставит перед собой три цели: 1) сообщение необходимых положительных сведений по данной теме; определение круга знаний; 2) воспитание научного мышления студентов; 3) воспитание эстетического восприятия и вкуса студентов.

Сообщение необходимых сведений

Знания всегда можно разделить на два вида: а) основные знания, проверенные наукой, установившиеся; б) спорные знания. В своих лекциях преподаватели должны сообщать как основные, так и спорные знания, хотя существует точка зрения, что студентам нужны только основные.

Научное мышление студентов воспитывается в ознакомлении с борьбой мнений, с научными дискуссиями. Но преподаватель должен всегда разделять первый и второй вид, особо выделяя в лекции свое мнение, обращая внимание на те вопросы, над которыми работает сам. Тогда он может многое сказать студентам.

Времени на чтение курсов дается очень мало, осветить весь материал невозможно. Следовательно, в своих лекциях преподаватель должен освещать те вопросы, которые, по его мнению, требуют дополнительного материала, а не дублировать учебник. Студенты скоро начинают понимать, что преподаватель дублирует учебник, тогда лекции их уже не интересуют. Кроме того, учебники быстро устаревают и их нужно дополнять новыми научными данными.

Преподавателям следует избегать в своих лекциях элементаризации, сообщения сведений биографического характера. Другое дело, если есть новое в биографии писателя, об этом нужно сообщать студентам.

Воспитание научного мышления

Пример научного мышления преподаватель должен показывать на своей работе, а не просто рассуждать на эту тему. Нужно мыслить перед студента-

ми в аудитории (сомневаться, взвешивать доводы и т. д.), лекция должна воспроизводить живой процесс мышления.

Эстетическое воспитание студентов

Литературоведение — наука, а предмет этой науки — эстетические явления. Литература является одним из видов искусств (как живопись, музыка). Нужно воспитывать эстетическое восприятие и вкус студентов, раскрывать художественную природу литературы, сравнивать ее с другими видами искусства. Идеологическое воспитание осуществляется и через сообщение научных данных. Мы должны давать максимум научных знаний.

О методике проведения семинарских и практических занятий

Практические занятия имеют чисто учебную цель. Здесь применяются доклады, метод беседы, анализ текстов. Доклады должны писаться, так как это научно-исследовательская деятельность, а вот читать по написанному совершенно необязательно.

Спецсеминар имеет научно-исследовательскую цель. Нужно стремиться к тому, чтобы спецсеминары проводились на научной основе. Очень важно правильно выбрать тему, и она должна быть максимально сужена. Необходимо ставить перед студентами дискуссионные вопросы. Каждому студенту надо иметь дневник или записную книжку, куда он должен записывать свои мнения, мысли.

Общие замечания к проведению лекций

Мы должны овладеть университетским стилем работы. Схем в проведении лекций нет. Чем разнообразнее они будут, тем лучше, все зависит от своеобразия материала.

Одним из основных недостатков является сухость лекций, недостаток цитат, оторванность формулировок от основного текста лекции. Мало уделяется внимания и вопросам языка, а нашей задачей является привитие любви к языку, вкуса к звуку. Необходимо помнить о связи литературы с другими науками — философией, историей, эстетикой. Очень важно, чтобы за текстом лекции студент видел и личность своего преподавателя.

Лекция является звеном всего курса, нужно каждую лекцию увязывать с предыдущей и указывать на последующую.

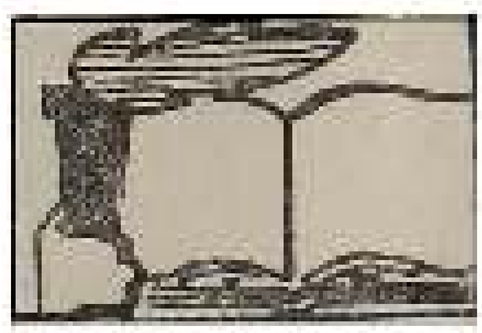
Хотелось бы сказать, что импровизация — момент лекции. Она является результатом хорошего знания преподавателем своего материала, хорошего знания предмета...

О повышении качества знаний студентов

Студенты не умеют рассуждать, а это значит, что преподаватели на лекциях меньше рассуждают и больше сообщают. Знание текстов студентами совершенно недостаточно, вместо разбора делается пересказ. Не чувствуется настоящей любви к литературе. Студенты совершенно не владеют искусством медленного чтения, мало знают наизусть. Стиль ответов студентов очень плох, поражает бедность интонаций, например, почти отсутствует интонация иронии. Недостаточна грамотность студентов. Грамотности вуз обучать как будто не должен, но, получая малограмотных людей из школы, мы обязаны заниматься и этим...

В заключение хотелось бы отметить, что ученый постоянно подчеркивает любовь к языку, любовь к литературе, любовь к звуку, именно любовь, а не просто знание. В этом Бахтин видел основную задачу воспитания.

В. И. ЛАПТУН, заведующий лабораторией музейного дела



НОВЕЙШИЕ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. М. ГОЛУБЧИК, доктор географических наук

Конец 80-х — начало 90-х гг. характеризуются глубокими социально-политическими и экономическим процессами, вызвавшими весьма значительные политико-географические изменения, имеющие не только региональное значение, но нередко и глобальные масштабы. Среди этих сложных и противоречивых изменений значительное место занимают: распад Советского Союза и образование 15 суверенных государств, большая часть которых вошла в новое межгосударственное образование — Содружество независимых государств; прекращение деятельности Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, одним из последствий чего стала трансформация взаимоотношений между членами этих организаций, между Востоком и Западом Европы; глубокие преобразования во всех сферах жизни бывших социалистических стран Восточной Европы, что повлекло коренные сдвиги в их отношениях со странами СНГ; объединение двух германских государств, изменившее и общий экономический потенциал, и геополитические позиции ФРГ (новая граница на востоке, возрастание роли в европейских делах и т. д.); распад югославской федерации и образование пяти суверенных государств; изменение характера деятельности НАТО и его отношений с бывшими социалистическими странами Европы; переход стран — членов Европейского сообщества к завершению процесса экономической, валютно-финансовой и, что особенно важно, политической интеграции.

К этому необходимо добавить то, что в начале 90-х гг. закончился многолетний период «холодной войны», формируются новые отношения между Западом и Востоком, решаются сложные региональные проблемы (например, проблемы мирного урегулирования в Афганистане и Камбодже).

Все это ярко характеризует динамизм современного мира, его политико-географический и социально-экономический облик и, в свою очередь, требует комплексного, поистине междисциплинарного научного исследования развития человечества на пороге третьего тысячелетия. От того, как будут развиваться указанные процессы, во многом зависят судьбы всего мира.

Чрезвычайно важен анализ нового положения в мировом сообществе, прежде всего в СНГ, суверенной Российской Федерации, ее роли правопреемницы Советского Союза в Совете Безопасности ООН, включения РФ и других стран — членов СНГ в систему всемирного разделения труда и т. п.

Что же предопределило распад СССР? Ответ на этот сложный вопрос еще дадут историки, политологи, социологи и другие специалисты. В этой же небольшой статье хочется обратить внимание на то, что этот быстротекущий процесс был результатом совокупного воздействия целого ряда факторов, в том числе стремления бывших союзных республик к подлинному национально-политическому самоопределению, к окончательному преодолению существовавшей в СССР тоталитарной системы и партийно-бю-

рократического унитарного государства («советской империи»), неудовлетворенности идеей «обновления» СССР путем создания Союза Суверенных Государств, деятельности сильных националистических движений в ряде бывших союзных республик, обострения межреспубликанских и межнациональных отношений.

Разумеется, в процессе суверенизации и становления независимых государств на месте бывшего Советского Союза в каждом конкретном случае действовали специфические факторы, проявились особенности исторического развития (например, характер включения той или иной республики в состав СССР) этнического состава населения и расселения народов и др. Так, произошло фактическое восстановление государственности бывших республик Прибалтики, которые как суверенные государства сформировались еще в 1918—1920 гг.

К наиболее важным политико-географическим проблемам Российской Федерации как независимого государства относится совершенствование (возможно, даже глубокое преобразование) ее политико-административного устройства, тесно связанное с региональным социально-экономическим развитием и экономическим районированием в условиях формирования общероссийского рынка товаров, услуг, капитала, рабочей силы и информации.

Большого внимания заслуживают проблемы этнополитической географии, расселения и взаимоотношений народов на огромной территории полиэтнического государства и составляющих его многонациональных республик, краев, областей, автономных образований.

По замечанию отечественных ученых, «нация — традиционный объект политической географии — является как бы локомотивом, увлекающим за собой жестко сцепленный поезд политико-географических проблем. Именно резкое обострение межнациональных отношений, рост сепаратизма выводят на первый план вопросы федерализма, демаркации границ, парады суверенитетов» [3, с. 7]. В свою очередь межнациональные конфликты можно рассматривать лишь как одно из проявлений «территориальной социальной напряженности», которая определяется «как недоброжелательные отношения... между представителями разных территориальных общностей, или между различными группами одной территориальной общности... Насущной задачей является разработка типологии форм социальной напряженности и территориальных конфликтов, закономерностей их возникновения, развития и разрешения» [1, с. 111]. На территории бывшего СССР, как известно, появились районы повышенной «конфликтогенности», породившие массовые выходы мигрантов, потоки беженцев, что также является важным объектом научного исследования.

Новая динамичная расстановка социально-политических сил в России вызывает необходимость глубокого изучения вопросов электоральной географии, материалы которой имеют большое научно-практическое значение и позволяют более глубоко понять межнациональные отношения, в особенности результаты голосования по национально-территориальным округам.

И еще один круг проблем приобрел значительную актуальность — проблемы формирования и изменения территорий и границ суверенных государств. В этом отношении весьма увлекательным может быть историко- и политико-географический анализ процесса эволюции государственной территории и политико-административного устройства России и СССР в XX в.

Обращает на себя внимание временная сопряженность социально-политических и экономических изменений в бывшем Советском Союзе с аналогичными новшествами в странах Восточной Европы, прежде всего входивших в ОВД и СЭВ. То, что в них произошло, — результат массовых, преимущественно мирных народных демократических революций 1989—1990 гг. По мнению доктора философских наук Б. Пугачева, «это особый тип народных антитоталитарных револю-

ций, который по своему характеру в новейшей истории больше всего близок... к революциям 70-х годов в Испании и Португалии. Антитоталитарные революции в Восточной Европе с неизбежностью приобрели антикоммунистическую направленность. Они должны были породить (и быстро породили) новые политические силы... Тоталитарные и авторитарные «коммунистические» режимы в Восточной Европе не смогут быть воссозданы, ибо они оказались нежизнеспособными в сколь-либо длительной исторической перспективе» [4, с. 24 — 25]. В этих странах формируются иная расстановка социально-политических сил и новый тип экономики, основанный на многообразии форм собственности. Переходный период к такой «смешанной» экономике сложен и противоречив. Причем в каждой стране формируется специфическое сочетание различных форм собственности, складывается неодинаковое соотношение между государственным и другими секторами экономики.

Крушение тоталитарных режимов в странах Восточной Европы обнажило истинную картину накопившихся в регионе межнациональных конфликтов, некоторые из них обрели довольно острые формы. Наиболее ярким примером в этом отношении является Социалистическая Федеративная Республика Югославия, распад которой, как и Советского Союза, имеет глубокие социально-политические и национально-исторические корни, связанные с фактом образования самого многонационального государства в зарубежной Европе. Не останавливаясь в этой статье на исторических факторах распада югославской федерации, выделим, на наш взгляд, важнейшую причину данного процесса: это прежде всего результат общего кризиса социализма. В Югославии, как известно, была создана своеобразная, во многом отличная от других стран Восточной Европы модель социализма, но и она перестала «работать», а попытка ее перестройки не увенчалась успехом: югославский опыт впервые показал, что модернизировать социалистическую систему и обновить коммунистическую партию невозможно.

Резко обострившиеся к началу 90-х гг. противоречия в югославской федерации (межреспубликанские и межнациональные) и в обществе (социально-политические и экономические) привели к распаду Союза коммунистов Югославии, который «стягивал идеологическим и организационно-политическим обручем многонациональное югославское общество» [2], усилению дезинтеграционных процессов, поставили под угрозу целостность федерации. В конечном счете вместо одного государства — СФРЮ к лету 1992 г. было образовано 5: заявили о своей независимости Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, а также Союзная Республика Югославия, объединившая Сербию и Черногорию.

Таковы лишь некоторые актуальные политико-географические и социально-географические проблемы современности, исследование которых возможно только при сотрудничестве представителей разных отраслей гуманитарного знания. Вместе с тем мы считаем важным включение этих во многом дискуссионных проблем в учебные курсы целого ряда университетских специальностей, приобщение к ним студентов, аспирантов, молодых преподавателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алексеев А. И.** Территориальная социальная напряженность в СССР: подход к проблеме // Территориальная организация общества и проблемы межнациональных отношений. Л., 1990. С. 111 — 112.
2. Известия. 1991. 17 дек.
3. **Лавров С. Б., Межевич Н. М.** Политическая география СССР и межнациональные отношения: поиск научных основ // Политическая география и современность: Региональные и прикладные аспекты. СПб., 1991. С. 6 — 20.
4. **Пугачев Б.** Вернется ли в Европу призрак коммунизма... // Новое время. 1991. № 1.

ИСТОКИ КООПЕРАТИВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОРДОВИИ

П. И. КУЛЬКОВ, кандидат философских наук

Потребительская кооперация в конце 20-х гг. развивалась быстрыми темпами. В 1929 г. она объединяла 58,3 % крестьянских хозяйств и обслуживала почти все сельское население страны [1, с. 264]. Заметно увеличивалось кооперированное сельское население и в Мордовии. Если в 1928 г. оно составляло 35,5 %, то на 1 октября 1929 г. эта цифра достигла 63,1 %. Объединились в кооперативы 60,7 % крестьянских хозяйств мордвы, 81,3 % — татар и свыше 62 % — русских [2, с. 172 — 173].

Результативность, уровень и качество хозяйственной, финансовой, культурно-организаторской деятельности кооперации во многом зависели от культурно-образовательного уровня населения. По переписи 1926 г., средний процент грамотности по РСФСР составил 44,1, по Средне-Волжскому краю — 36,4, в районах, которые впоследствии вошли в нашу республику, — 27. Грамотность мордовского же населения составляла всего 18,9 %, а среди женщин-мордовок — лишь 5,8 % [4, д. 44, л. 9].

В этих условиях перед потребительской кооперацией остро стоял вопрос не только о ликвидации неграмотности, но и о подготовке и переподготовке кадров как массовых профессий, так и средней и высшей квалификации. Архивные документы свидетельствуют, что стационарные кооперативные учебные заведения начали функционировать с 1925 г. Сначала были открыты районные, а в 1928 г. окружные семимесячные кооперативные курсы. Они имели два отделения: счетное и организационно-культурное. Учебный план курсов включал: историю и теорию кооперации, организацию и практику кооперации, счетоводство, коммерческую арифметику, статистику, кооперативное законодательство, обществоведение, политическую экономию и политику партии в деревне. На организационно-культурном отделении преподавали дополнительно и такие дисциплины, как русский язык и тюркско-татарский алфавит (для групп татар обоих отделений). В преподавании применялись разнообразные методы: лекции-беседы, лабораторно-практические занятия. Кроме того, слушатели неоднократно направлялись на практику в потребительские общества.

В 1928/29 учебном году на курсы подали заявления 59 человек, принято 52, в приеме отказано семи абитуриентам по причине безграмотности. Но и среди принятых 30 человек не окончили даже начальную школу, 21 человек имели свидетельства об ее окончании и только один обучался в семилетке. Курсы выпустили 46 человек, в том числе 21 — со счетного, 25 — с организационно-культурного отделения, среди них мордвы было 34 человека, татар — 8, русских — 4. Они были трудоустроены в потребительских обществах, а некотрые работали в аппарате Мордовского окрпотребсоюза. Так, Д. И. Рудяев, посланец Ковылкинского общества потребителей, был оставлен сначала штатным инспектором контрольно-ревизионной комиссии Мордпотребсоюза, а 14 марта 1938 г. утвержден председателем этой комиссии [3, д. 65, л. 65 — 67; д. 140, л. 22].

Несомненно, такие курсы были необходимы. Но, во-первых, они не могли обеспечить кадрами кооперативную сеть округа, а во-вторых, в связи с краткостью срока обучения слушатели не получали квалификацию, удовлетворяющую общество. Поэтому единст-

венным выходом из такого положения смогло послужить открытие техникума или кооперативной профессиональной школы.

29 апреля 1929 г. руководители Мордовского окрпотребсоюза С. И. Захаров, А. А. Шадрин, В. И. Голиков выступили с инициативой подготовки и открытия осенью этого же года в Саранске мордовского кооперативного техникума. В письме к руководителям всех форм кооперации они отмечали, что в техникуме предполагается готовить работников среднего звена — инструкторов, руководящих работников крупных потребобществ. Учитывая низкую грамотность молодежи, намечалось кроме основного трехгодичного курса открыть подготовительное отделение. За основу обучения предполагалось взять типовую программу кооперативных техникумов, при этом на последнем курсе ввести специализацию по секциям: потребительской, сельскохозяйственной, колхозстроительной. Это позволило бы набирать учащихся в техникум со всех форм кооперации, в том числе колхозов. А это имело важное значение, так как в первый год работы содержание техникума целиком ложилось бы на направляющие учащихся организации. Расходы предполагались значительные — 960 руб. на одного учащегося. Эти средства были необходимы для создания учебно-материальной базы, приглашения преподавателей, бесплатного обеспечения учащихся одеждой, питанием, местами в общежитии и учебными принадлежностями [3, д. 13, л. 163].

Инициатива открытия мордовского кооперативного техникума не получила должной поддержки руководства ни Мордовского окрисполкома, ни Средне-Волжского облпотребсоюза, ни Центросоюза страны. В одном из решений президиума окрисполкома в январе 1929 г. отмечалось: «Признать необходимым развернуть за пятилетие, начиная с 1929/30 бюджетного года, одного русского педтехникума, медтехникума и сельскохозяйственного техникума» [3, д. 13, л. 53]. Как видно, открытие кооперативного техникума на ближайшее пятилетие не планировалось. Руководство окрпотребсоюза вынуждено было искать другие формы подготовки кадров.

В 1929/30 учебном году в стране планировалось открыть свыше двадцати 3-годичных кооперативных профессиональных школ. Намечалась ее организация и в Средне-Волжской области. Перед такими школами ставилась задача массовой подготовки квалифицированных работников для низовой сети потребительской кооперации. Они имели два отделения: торгово-товароведное и организационно-счетное. В школу принимались окончившие сельскую четырехлетку. При этом она должна была дать и общее семилетнее образование.

19 июня 1929 г. председатель окрпотребсоюза С. И. Захаров, заместитель заведующего орготделом В. И. Голиков направили в правление Средне-Волжского облпотребсоюза, в президиум Средне-Волжского облисполкома, в нацбюро Центросоюза РСФСР докладную записку, в которой достаточно аргументированно обосновывали необходимость открытия осенью этого же года областной национальной кооперативной профшколы в городе Саранске. По расчетам авторов докладной записки, только для Мордовского округа на пятилетку необходимо подготовить 240 работников прилавка, 52 счетных работника, 75 человек для работы в правлении, 25 работников культуры. Для области эти цифры составляли соответственно 640, 142, 215 и 65 человек [5, л. 4]. Вопрос о наборе слушателей предлагали решить исходя из того, что школа областная, и она должна комплектоваться за счет мордовского населения не только Мордовского, но и Кузнецкого, Бугурусланского и Ульяновского округов. Предполагалось, что от Мордовского и Кузнецкого округов будут направлены по 13 человек, от Бугурусланского — 10, от Ульяновского — 4. Преподавателей по общественно-политическим дисциплинам предполагалось найти в Саранске, планировалось пригласить для чтения специальных

дисциплин двух преподавателей, работавших на семимесячных курсах. Сравнительно легко решался вопрос о помещении для школы: ей отводилось пустующее здание бывшей табачной фабрики, которое ранее было занято ремесленным училищем. Приспособление его под коопшколу не требовало больших затрат времени и средств. Самым трудным вопросом было финансирование. Предлагалось наполовину содержание школы отнести за счет областного бюджета, вторую половину должны внести командирующие учащихся организации потребительской системы [5, л. 3].

Через месяц на заседании правления окрпотребсоюза было принято решение об организации 3-годичной Мордовской областной коопшколы в городе Саранске. Первым заведующим был утвержден И. В. Петров. Правление поручило ему срочно подготовить программу, правила приема, направить в потребсоюзы округов с мордовским населением план-разверстку по количеству командируемых [3, д. 15, л. 236]. 12 октября в школе начались занятия. Она была переименована в Краевую 3-годичную кооперативную мордовскую профессиональную школу имени Г. Любимова. Заведующим с 5 сентября 1929 г. работал А. А. Константинов. Преподавателями по спецдисциплинам стали А. С. Решетников и П. Т. Ляхов. Школа была укомплектована преподавателями общественных и общеобразовательных дисциплин. Трудности возникли только с преподавателями мордовского языка, так как в Саранске в то время было только два квалифицированных специалиста в этой области, работавшие в партшколе и на рабфаке. Но с 19 ноября приступили к занятиям и по мордовскому языку.

Все слушатели, а их было 39 человек, находились на полном обеспечении потребительской системы региона. Школа имела библиотеку с 3 тыс. книг, клуб, читальню, выписывала газеты и журналы, в том числе на мордовском языке.

В марте 1930 г. работу школы изучала комиссия отдела кадров Средне-Волжского крайпотребсоюза. Отметив удовлетворительное состояние успеваемости, она выявила и негативные моменты: слабость учебно-материальной базы (не хватало классных столов, скамеек, не все учащиеся были обеспечены учебными пособиями), неумение некоторых преподавателей организовать индивидуальную работу.

Вскоре крайпотребсоюз принял решение о реорганизации 3-годичной школы в 2-годичные батрацко-бедняцкие курсы. Правление Мордовского облпотребсоюза в своем решении от 12 апреля 1930 г. настойчиво просило вышестоящую организацию пересмотреть свое решение о реорганизации школы: «Если не окажется возможным реорганизовать коопшколу в кооптехникум, то оставить коопшколу в ее настоящем положении еще на один год» [3, д. 54, л. 153]. Эта же просьба была записана и в резолюции Первого съезда Мордовского облпотребсоюза, проходившего в Саранске в июне 1930 г.

В 1930 г. в городе Ардатове начала функционировать областная школа селькоопученичества. Заведовал ею выпускник Саранского комвуза А. К. Жарков. Работали также 8-месячные курсы счетоводов. Наряду со стационарными учебными заведениями в облсоюзе не отвергали и другие формы подготовки и переподготовки кадров. В 1930—1931 гг. на краткосрочных курсах при райпотребсоюзах намечали переподготовить 1305 работников, при облсоюзе — 224, при крайпотребсоюзе — 33, при Центросоюзе — 19 руководящих работников потребительских обществ; подготовить на курсах облсоюза 492 работника, крайсоюзе — 106; иметь 41 стипендиата и контрактанта.

Изучение архивных документов начала 30-х гг. убедительно показывает, что почти на каждом заседании правления Мордпотребсоюза рассматривался вопрос о подготовке кадров. Так, на заседаниях 17 и 19 июня 1930 г. правление рассмотрело и удовлетворило просьбу пяти работников о направлении их на учебу в Саратовский

кооперативный институт. 28 июня этого же года был рассмотрен вопрос об увеличении стипендии учащимся-контрактантам Самарского промэкономического техникума [3, д. 50, л. 13; д. 90, л. 92, 97].

Возрастающая потребность в кооперативных кадрах среднего звена, особенно коренной национальности, заставила руководство Средне-Волжского крайпотребсоюза положительно решить вопрос об открытии в Саранске мордовского кооперативного техникума. Совместным решением крайкома ВКП(б) и крайпотребсоюза от 25 января 1932 г. техникум был открыт [4, д. 71, л. 199]. Правление Мордпотребсоюза на своем заседании 25 мая 1932 г. записало: «Принимая во внимание острый недостаток в квалифицированных работниках потребсистемы Мордовской области, как-то: товароведов, организаторов совторговли и снабжения, плановиков, инструкторов, бухгалтеров и др., считать необходимым создать при Мордовском кооперативном техникуме 3 отделения: а) советская торговля, б) планово-экономическое, в) счетно-финансовое» [3, д. 113, л. 264].

В газете «Красная Мордовия» от 13 июля 1932 г. было помещено объявление о приеме в техникум исключительно лиц мордовской национальности в возрасте не менее 17 лет. Фактически же прием этого года был произведен только из учащихся подготовительного отделения. Судя по документам, в конце 1932/33 учебного года техникум был переведен в Пензу [4, д. 71, л. 199]. 4 июля 1936 г. в «Красной Мордовии» опубликовано объявление об осеннем приеме студентов в Чебоксарский кооперативный техникум. В нем указывалось, что техникум готовит кадры работников потребкооперации для Горьковского и Куйбышевского крайпотребсоюзов, Оренбургского, Чувашского, Мордовского и Марийского облпотребсоюзов. С 1934 до конца 30-х гг. в системе Мордовского потребсоюза остались коопкурсы с максимальным сроком учебы 5—6 месяцев, сохранились такие формы, как техминимум, ученичество, заочное и индивидуальное обучение. Организацией подготовки и переподготовки занимался отдел кадров облпотребсоюза.

Неоправданное свертывание подготовки и переподготовки кадров, систематические «чистки» их, особенно в 1937 г., привели к крупным провалам, многие участки кооперативной работы, особенно учет, оказались просто в катастрофическом положении. Президиум Мордпотребсоюза в докладе руководству Центросоюза СССР и РСФСР признал, что план товарооборота 1937 г. выполнен всего на 85,4 % [3, д. 164, л. 1]. На 1 января 1939 г. не было главных бухгалтеров в 9 райпотребсоюзах — почти в каждом третьем! Не случайно президиум правления Мордпотребсоюза 19 апреля 1939 г. обратился к Центросоюзу с настоятельной просьбой «ускорить решение вопроса об открытии в Мордовии годичной бухгалтерской школы» [3, д. 169, л. 24].

С 1938 г. для организации систематической подготовки и переподготовки кадров при Мордпотребсоюзе создается учебный комбинат. В 1941 г. в рамках этого учебного заведения открывается годичная торгово-кооперативная школа с бухгалтерским, торговым и плановым отделениями. Кроме того, учебный комбинат практиковал многообразные формы ученичества, техминимумов, заочное обучение и проведение семинаров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Дмитриенко В. П., Морозов Л. Ф., Погудин В. И.** Партия и кооперация. М.: Политиздат, 1978. 296 с.
2. Очерки истории Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. Т. 2. 544 с.
3. ЦГА МССР, ф. 11, оп. 1.
4. ЦГА МССР, ф. 238, оп. 8.
5. ЦГА МССР, ф. 296, оп. 1, д. 87.

«...ЗАПРЕЩЕНО ГОВОРИТЬ О БОГЕ»

(ЦЕРКОВЬ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

А. И. БЕЛКИН, аспирант

Известный русский философ Н. А. Бердяев, характеризуя отношения между церковью и государством в СССР, отмечал: «В руководящей литературе, посвященной антирелигиозной пропаганде, не рекомендуются религиозные преследования. Специалист по безбожию Ярославский говорит, что невыгодно создавать мучеников. Но фактически мучеников создают. Священники поставлены в нечеловеческие условия существования, они лишенцы, лишены элементарных человеческих прав... Служителей культа явно хотят поставить в такое положение, чтобы они не могли существовать. Невыносимо моральное и материальное положение священников... Это положение бывает так тяжело, что иногда предпочитают быть посаженным в тюрьму. Но епископов и священников кроме того постоянно арестовывают, ссылают в Соловки и расстреливают... Открытое исповедание христианства в советской России требует героизма, а часто и мученичества... Свободы религиозной совести в советской России, конечно, не существует» [2, с. 136 — 137].

Эти слова как нельзя лучше характеризуют те отношения, которые сложились между государством и церковью при советской власти. Как мы уже отмечали [1], в истории этих взаимоотношений был момент, когда государство вроде бы пошло навстречу верующим. Прежде всего это выразилось в открытии церквей. Начавшись с 1944 г., этот процесс шел по нарастающей до начала 50-х гг., а с середины этого десятилетия количество действующих церквей начало сокращаться.

В этой статье речь пойдет о 40-х гг., когда государство стремилось наладить свои отношения с церковью, пыталось реализовать принцип свободы совести, записанный в Конституции. Но сразу сделаем оговорку: процесс «нормализации» отношений можно считать лишь относительным. В Мордовии, например, в 30-е гг. происходило массовое закрытие церквей, а лиц, имеющих духовный сан, нередко сажали за решетку, поэтому положение, складывавшееся во второй половине 40-х гг., можно считать прогрессом.

Рецидивы прошлого давали о себе знать. Наиболее «инициативные» представители местной власти (районной, сельской) в ряде случаев закрывали церкви самостоятельно. Естественно, это вызывало недовольство прихожан, в центр шел поток телеграмм и писем.

12 февраля 1946 г. Совнарком МАССР издал распоряжение, которым запретил закрытие без разрешения Совета по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР молитвенных зданий, находящихся в пользовании религиозных обществ. Запрещались оборудование недействующих молитвенных зданий для других целей, а также их снос без санкции Совнаркома МАССР. На средства верующих было разрешено строить новые молитвенные здания. В распоряжении говорилось о необходимости выделения строительных материалов для ремонта церквей. Председателям исполкомов районных и городских Советов предписывалось не препятствовать зарегистрированным религиозным обществам звонить в колокола в городах и селах. Религиозным общинам предоставлялись права юридического лица и разрешалось приобретать транспортные средства, производить утварь и предметы религиозного культа, продавать их обществам верующих. Религиозные общества могли открывать текущие счета в Государственном банке [3, д. 135, л. 1 — 2].

Такой подход дал свои результаты. К концу 1947 г. в Мордовии действовало 27 церквей, открытых по просьбам верующих, было зарегистрировано 39 священников [3, д. 113, л. 100]. Однако далеко не все ходатайства верующих удовлетворялись. За 1947 г., на-

пример, поступило 111 заявлений с просьбами об открытии 54 церквей, из них было рассмотрено всего 32, а удовлетворено 7 [3, д. 113, л. 102].

Оживилась деятельность и других конфессий, находящихся на территории МАССР. В 15 районах Мордовии (по тогдашнему административно-территориальному делению) имелся 51 населенный пункт, где проживали татары. До революции в них действовало 104 мечети, которые впоследствии все были закрыты. В начале 1946 г. работали 4 мечети, которые были открыты без официального разрешения властей [3, д. 135, л. 9]. Кроме того, в Саранске было зарегистрировано религиозное общество евангельских христиан-баптистов, насчитывавшее 20 человек. Группа из 10 человек была и в Ромодановском районе [3, д. 135, л. 16].

Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что процесс регистрации церквей, религиозных общин шел. Но сколько препятствий приходилось преодолевать! Уполномоченному по делам религиозных культов поступали все новые и новые ходатайства от верующих. Однако некоторые председатели райисполкомов «стеной вставали», чтобы не допустить регистрации религиозных общин в своих районах. В итоге к маю 1946 г. не удалось официально оформить ни одного общества верующих в тех селах, откуда поступали ходатайства. А председатель Лямбирского райсовета заявил, что «в их районе ни одно бывшее здание мечети не будет передано верующим гражданам» [3, д. 135, л. 36].

Но, несмотря на все препятствия, в большинстве татарских сел, находившихся на территории Мордовии (это были вынуждены признать и представители власти), в дни больших мусульманских праздников проводились групповые моления. В связи с этим председателям исполкомов сельских и районных Советов было дано указание групповые моления прекратить, в случае же приезда в район имамов немедленно докладывать вышестоящим органам, а имамам «запретить разъезжать по селам, хотя бы с целью производства сборов средств на патриотические цели» [3, д. 135, л. 35 — 36].

Больше внимания власти уделяли русской православной церкви как самой многочисленной конфессии на территории Мордовии. Деятельность ее подвергалась подробному анализу. Государственные органы интересовало буквально все: и статистика религиозной обрядности, и послания патриарха и епископов, и количество «Журналов Московской патриархии», поступающих в Мордовию, и состав религиозного актива, и люди, организовавшие сбор подписей под ходатайствами об открытии церквей. Тщательно следили за тем, что внушают священники прихожанам в своих проповедях.

Церкви было категорически запрещено проводить моления под открытым небом. Каждый факт был предметом тщательного изучения. В ряде районов Мордовии были проведены моления о дожде с хождением на родники. Сразу отметим, что ни один официально зарегистрированный священник в них не участвовал, так как это грозило снятием с регистрации и потерей места. Молебны проводили бывшие монахини и «подпольные» священники, но, тем не менее, народу в них участвовало много. В некоторых районах председатели сельсоветов дали официальное разрешение на проведение таких молебнов. Подобные мероприятия партийные и советские органы рассматривали если не как вредительство, то по крайней мере как дело очень подозрительное, и все материалы об этом передавались в органы государственной безопасности [3, д. 113, л. 71].

На церковь оказывали постоянное давление, от священников требовали, чтобы они не показывали виду, что находятся под жестким контролем. Например, верующие обратились к уполномоченному по делам Русской православной церкви с просьбой прислать к ним священника из Саранска для отправления религиозных треб. Уполномоченный их выслушал и сказал: «Это не мое дело, я священниками не распоряжаюсь, церковь у нас отделена от

государства». И направил к благочинному Саранского округа. Благочинный же посоветовал обратиться за разрешением к уполномоченному [3, д. 113, л. 71].

В 1949 г. количество ходатайств об открытии церквей уменьшилось. За 9 первых месяцев их поступило 45 по сравнению с 84 за тот же период 1948 г. [3, д. 190, л. 17]. Можно подумать, что это связано с уменьшением религиозности. Но это не так. Дело в том, что за 7—8 месяцев 1949 г. не было удовлетворено ни одно ходатайство, поэтому люди, потеряв надежду, перестали обращаться к уполномоченному. Конечно, официальной пропагандой такие цифры выдавались за победу атеистических взглядов, однако в закрытых источниках даются сведения, что число нелегальных молитвенных собраний верующих не уменьшалось, а росло [3, д. 190, л. 17].

Таким образом, рассмотрев лишь малую часть того, что происходило в отношениях между церковью и государством в Мордовии в 40-е гг., мы еще раз убедились, что о каком-то отступлении государственных органов от своих принципов говорить не приходится. Сделав небольшой шаг навстречу верующим, государство постоянно вмешивалось в деятельность церкви. Мощный государственный аппарат следил за каждым шагом священнослужителей, а также за настроениями огромной массы верующих. (Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что 60—70 % граждан в 40-е гг. были верующими.) Было бы неправильным говорить о том, что только на пути религиозных организаций ставились преграды. Запреты действовали везде и во всем. Но в церкви их было больше в силу того, что религиозная идеология рассматривалась как явление, чуждое социалистическому обществу, как пережиток прошлого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Белкин А. И.** Была ли свобода совести? (К истории церковно-государственных отношений в Мордовии в 40-е годы) // Вестн. Мордов. ун-та, 1992. № 1. С. 19 — 22.

2. **Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

3. ЦГА МССР, ф. Р-228, оп. 3.

Экономика

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. В. БАКУШЕВ, кандидат философских наук,
С. М. ВДОВИН, аспирант

Соперничество в форме политического противостояния конца 80-х — начала 90-х гг. привело к законодательному признанию политического плюрализма, а в экономике заимствование подходящих моделей развития других государств — к проведению вначале эпизодического, а затем всеобщего реформирования. Развитие капитализма с человеческим лицом стало программной целью многих (хотя и немногочисленных) политических партий, целого ряда движений.

Специалисты-геополитики предвещают снижение или невысокие темпы экономического роста до середины

90-х гг. и далее в ведущих странах мира (страны ЕЭС — 3,3 %, США — 2,2; Великобритания — 2,3; Германия — 2,8; Франция — 2,9 %) при нынешнем спаде в экономически не бедных государствах. В странах Восточной Европы, в том числе в России, прогнозируется рост на 3,9 %, хотя этот показатель в течение как минимум двух лет может снижаться. Настораживает тот факт, что реальное реформирование российской экономики принимает характер затяжного переходного организационно-управленческого маневрирования.

Наша цель сводится к обобщению хронологии первопричин, выявлению главных современных проблем аграрной раформы на основе материалов исследований, проведенных в ряде областей Нечерноземья, в том числе в Мордовии.

Как известно, отмена крепостничества хотя и привнесла прогрессивное начало, но по сути являла собой создание предпосылок столыпинской реформы начала XX в. Поощрялось частное землевладение общин, а не крупных землевладельцев. Попытка внести социальные коррективы в этот процесс после Октября через обещания «полного владения землей», а затем перегибы с коллективизацией и огосударствлением собственности не наполнили здоровым содержанием фактическое развитие общин. Признание «вторичности» деревни, сведение голым администрированием на нет первичной кооперации ресурсной базы селян привело к деградации сельского уклада, а нынешнее обнищание и бремя растущих долгов России, к сожалению, не способствуют исправлению положения. Требуется искать пути разрешения проблем через структуры государственно-политической власти и регионального управления. Но прежде надо достаточно точно знать эти проблемы, **выявить** их причины и следствия, **представлять** ход развития процессов, **находить** адекватные средства управления социально-экономическим развитием, создания условий для этого.

В явном нынешнем «равнении» политики на Запад важно учитывать основополагающие отличия ситуаций в России и экономически развитых государствах мира. Страны ЕЭС, столкнувшись с проблемой **перепроизводства** продовольствия и признавая наличие определенного дефицита средств для поддержания высоких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, еще во второй половине 80-х гг. были готовы изменить прежние жесткие государственные меры поддержки фермеров (скоординированная политика ЕЭС проводится с 50-х гг.). Решения, принятые в 1992 г., говорят о том, что субсидии фермерам урезаются (хотя в номинальных цифрах они даже возрастут и составят почти половину бюджета сообщества): на 15 % снижаются цены на говядину, почти на 30 % — на зерновые на три последующих года. Перед выбором стоят США, где поддержка фермерства давно была делом национального престижа.

В России сохраняется дефицит продовольствия и возрастает зависимость от ввоза. Текущий год, по прогнозным оценкам, потребует от средней семьи расходов на продовольствие до 80 % дохода. Удорожание ведет к снижению как потребления, так и производства продовольствия. Россия как в рамках Союза ССР, так и во внешнеэкономическом аспекте была нетто-импортером (находилась на средней отметке среди других республик бывшего Союза), и в ценах конца 80-х гг. ввоз продовольствия составлял 113 рублей на душу населения. Конечно, расходы погашались сырьем. Начиная с 1991 г. идет крутой спад производства в общественном секторе сельского хозяйства, хотя в частном заметно некоторое оживление. Но доля последнего в валовом производстве, за исключением отдельных культур и продуктов, все еще довольно незначительная. Снижение сельскохозяйственного производства сопровождается еще более быстрым уменьшением заготовок товарной продукции. Первые результаты этого года о су-

щественном изменении тенденции пока не свидетельствуют.

В Мордовии за первое полугодие 1992 г. по сравнению с тем же периодом прошлого года производство мяса сократилось на 23 %, молока — на 10, яиц — на 8 %. В государственные ресурсы за этот период поступление мяса сократилось на 12 272 т, молока — на 22 319 т, яиц — на 14,3 млн штук. Продолжается снижение поголовья КРС, свиней, овец и птицы.

Затянувшийся двуполярный, порой схоластический спор конца 80-х — начала 90-х гг. (одни за приоритет фермерства, другие — за неизменность совхозно-колхозной структуры) вместо становления цивилизованных рыночных отношений в экономической жизни еще более истощил ресурсы, а нечеткие управленческие, в том числе законодательные, акты усиливают замкнутость, обособление крестьян.

Группой российских аграриев создан Центр аграрных реформ, но не исключена возможность его увлечения лишь организационно-управленческими переменами, созданием надстроек (уже известных ранее) для затяжного омертвления капитала. Большинство фермеров, другие хозяйственные структуры могут не получить доступа к ресурсам для сельхозпроизводства.

Наши исследования показывают, что более 40 % сельских жителей не понимают логики аграрного законодательства последних полутора — двух лет. Оно не всегда стыкуется с сельской спецификой, нередко принимаются исключающие друг друга положения. Это объясняется тем, что в подготовке и принятии пакетов документов сменялись соперничающие группы, по-разному понимающие характер реформирования общественных отношений. Результаты исследования свидетельствуют также о противоречивом восприятии правовой основы аграрных отношений. Несмотря на то, что около 30 % опрошенных подтверждают наличие в России законодательной основы для проведения эффективной аграрной реформы, столько же это абсолютно отрицают. Но общая потребность перемен ныне достаточно глубоко ощущается селянами — только четверть считает, что колхозы и совхозы в прежнем виде могут функционировать далее, а треть подтверждает, что эти структуры способны повысить социальные гарантии своим членам. То есть необходимость реформы не вызывает сомнений, вопрос только в том, какой она видится.

Как свидетельствует статистика, в первом полугодии 1992 г. в Мордовии из 50 перерегистрированных хозяйств 10 (12 %) подтвердили свою перспективность; 3 (6 %) преобразованы в акционерные общества; 28 (56 %) — в товарищества с ограниченной ответственностью; 3 (6 %) — в ассоциации крестьянских хозяйств; 5 (10 %) — в подсобные хозяйства промышленных предприятий; на базе совхоза «Маяк» Ромодановского района создано российско-австрийское предприятие «Ривас»; образовано 605 крестьянских и фермерских хозяйств.

Наши исследования в течение трех последних лет и анализ ситуации в республике подтверждают, что к индивидуально-семейной форме хозяйствования тяготеют и относительно готовы от 10 до 16 % селян. Нами также выявлено, что за частную собственность в переходный период выступает не более одной четверти опрошенных, в то время как возродить коллективно-долевую собственность стремятся свыше половины сельских жителей, а еще каждый 4 — 5-й выступает за приоритет коллективной собственности. Госхозам (совхозам) отдают предпочтение 6 — 7 % опрошенных. За смешанную форму собственности с высокой долей иностранного капитала высказались 3,5 — 4,5 % респондентов, а в Мордовии этот показатель еще ниже — 1 %.

Следует отметить, что в выборе форм хозяйствования мнения очень разные. Оставить колхозы в прежнем виде хотели бы около 35 % селян; 12 % предпочитают объединиться в кооперативы первичных кооперативов, то есть также сохранить коллективно-кооперативную форму собственности;

ассоциации кооперативов и крестьянских хозяйств привлекают около 18 % сельских жителей. Фермерством желает заняться один из девяти — десяти селян. Акционерное общество выбирают только 7,7 % опрошенных. Это существенный факт, так как на местах, ссылаясь на российский закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности», эту форму практически навязывают. К этому подталкивали и рекомендации, опубликованные в «Крестьянских ведомостях» (№ 8 за 1992 год), где закладывается принцип выкупа-«откупа» (?) для селянина. На наш взгляд, следует устранить правовой пробел в законодательстве, чтобы не допускать ошибочных нововведений в подзаконные акты. Прежде всего в общем (в аграрном тем более) законодательстве о статусе хозяйственных субъектов важно учесть специфику воспроизводства кооперативных отношений.

Уточним нашу точку зрения о неприемлемости как «сплошной фермеризации», так и «массового акционирования». Акционерное общество по своей сути лишь **первый тип** коллективного предприятия, где основа владения — приобретение акции. Дивиденды можно получать на прибыль по акциям и без прямого участия в сельскохозяйственном труде. А **второй тип**, в большей мере отражающий специфику сельскохозяйственного производства, — это современный сельскохозяйственный производственный кооператив (кооператив экономически самостоятельных кооперативов). Здесь с меньшими издержками может реализоваться групповая собственность. В свою очередь элемент эксплуатации при этих отношениях сводится на нет, а распределение осуществляется в основном по труду.

Итак, сельскохозяйственный год начала аграрных реформ в России на исходе. Но что же, по мнению селян, мешает достижению эффективных результатов в конкретных условиях хозяйствования? Каково настроение крестьян? По мнению 5 — 7 % селян, крестьянское движение может реализоваться лишь в крайних формах — забастовках. Для выражения крестьянской демократии более предпочтительны сельские сходы граждан, то есть общинная форма демократии (38,5 %). Сельские труженики активно выступают также за развитие внутриколлективных принципов демократии. Путь разрешения противоречий через политические структуры выбрали только 11 — 12 % респондентов. Поэтому вполне определенно можно сделать вывод о том, что крестьянство как социальная общность в целом неконфликтно, но оно непременно будет усиливать борьбу за повышение своего социально-политического статуса.

Результаты исследования позволили выявить следующие причины снижения эффективности труда на селе (ранжирование по уменьшению): снизившаяся трудовая дисциплина; слабая производственная база; неэффективная организация крестьянского труда; неквалифицированное руководство (к этому относится также слабое экономико-правовое обеспечение на первичном уровне); слабое участие рядовых тружеников в управлении (как одно из подтверждений этого вывода — резкое возрастание тяги к совладению через паи, определение заслуг только по вкладу в результаты труда); недостаточная квалификация работников; дефицит людских ресурсов (следует заметить, что ряд лет эта позиция выходила на одно из первых мест).

Проблема эффективности сельскохозяйственного труда рассматривалась в сравнении с развитыми странами, где она в 5 — 8 раз выше, чем в России. Наглядно мнение самих селян представлено в таблице.

Понимая, что как к труду западного фермера, так и к его квалификации предъявляются высокие требования, 9 из 10 опрошенных убеждены, что для современного крестьянина ныне требуется владение 4 — 5 специальностями (исходя из соответствующей квалификационной характеристики

Таблица

Альтернатива	Ранжирование	Процент отвечавших
Отсутствие приоритетной государственной политики по отношению к крестьянству	1	45,0
Отсутствие должного технического обеспечения	2	40,9
Слабая сервисная сеть	3	26,7
Неблагоприятные природно-климатические условия	4	24,5
Нечеткая организация крестьянского труда	5	23,6
Длительное отлучение людей от конкретной экономики и «словесное» воспитание ответственности	6	21,4
Личная квалификация большинства работников низкая	7	15,9
Невысокий политический статус крестьянства в обществе	8	13,5

* Сумма более 100 %, так как в ответах выбиралось 2 — 3 альтернативы.

специальностей и профессий). Действительно, стать земледельцем, частным предпринимателем можно только квалифицированному специалисту.

Но важно сказать и другое. Предпринимателем современного крестьянина называют сегодня только около 6 % селян, то есть далеко не многие видят в нем соответствующий социальный тип. Предпринимателю необходимо, по мнению опрошенных, развитие следующих черт (ранжирование в порядке убывания): знание дела, высокая квалификация, честность и порядочность, работоспособность, ответственность, умение легко сходиться с людьми и быстро принимать решения, решительность.

В нынешние политические институты власти и общественные объединения вера у селян достаточно слабая (до половины опрошенных определяют их авторитет как низкий и к тому же еще более снижающийся). В свою очередь усилилось доверие к церкви — высоким ее авторитет считают более трети респондентов, тогда как влияние исполнительной власти в районе, а также органов районного сельскохозяйственного управления на два порядка ниже. Авторитетность общественно-политических движений и партий подтверждают всего 2 % опрошенных; Президенту доверяют около 46 %, Верховному Совету — 40 %.

На наш взгляд, это социально-политическое настроение нельзя игнорировать в государственной и местной политике, так как неумелое разрешение предконфликтных (а кое-где уже конфликтных) ситуаций может вызвать не только социальное недовольство, но и взрыв. Здесь должны вступать в силу правила из теории управления, менеджмента, реальной территориальной политики.

Педагогика

ПРОПАГАНДИСТ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (О СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Н. П. ОГАРЕВА)

И. Л. НАУМЧЕНКО,
кандидат педагогических наук

В историю отечественной и зарубежной литературы Н. П. Огарев вошел преимущественно как дворянский революционер, создавший вместе с А. И. Герценом теорию «русского крестьянского социализма». Небезызвестен он и как талантливый представитель гражданской революцион-

ной поэзии, а также литературный критик, музыкант и композитор, автор многих романсов, песен и фортепьянных пьес. Однако нельзя забывать еще об одной грани его таланта — **педагога-гуманиста**, просветителя своего народа. К слову сказать, именно эта сторона его творческой биографии менее всего освещена в литературе, хотя и играет далеко не последнюю роль в характеристике личности этого интересного человека.

Н. П. Огарев прекрасно понимал, что призывный набат герценовского «Колокола» могли хорошо расслышать и понять лишь люди образованные, освободившиеся не только от юридического, но и от духовного рабства. Поэтому одной из главных задач своей общественной деятельности Николай Платонович ставит **пропаганду знаний** среди широких масс населения, которая, говоря словами А. И. Герцена, позволила бы разбудить их дремлющее сознание.

Еще задолго до совместной с Герценом деятельности Н. П. Огарев проявлял живейший интерес к вопросам народного образования и просвещения. Уже во второй половине 30-х гг., находясь в ссылке в Пензенской губернии, он сообщает своим друзьям о том, что с усердием пишет статью о воспитании. Более основательно занимается он этим вопросом по возвращении из-за границы, в родовом имении отца — селе Старое Акшино.

«Акшинский период» (1846 — 1851 гг.) вошел в биографию Н. П. Огарева как время активных усилий по улучшению экономического, правового и культурного положения крепостных своего отца. Около двух тысяч из них он отпускает на волю с землей, пытается внедрить рациональные способы земледелия, создает показательные фермы, предполагает открыть на началах вольнонаемного труда местные фабрики, заводы и т. п.

Осуществляя эти гуманные акты, преобразования, Огарев, конечно, понимал, что впереди у него огромные трудности, связанные с тяжелым социально-бытовым положением трудящихся, с невежеством, забитостью, а главное — сплошной неграмотностью крестьян. Именно поэтому, чтобы перейти к реализации теории «русской крестьянской революции», Н. П. Огарев включается в решительную борьбу за просвещение народа, стремится поднять его до уровня понимания грядущих задач, пробудить общественную активность. В это время он создает замечательное по тому времени социально-педагогическое сочинение «Политехническая народная школа». В этом произведении, составленном в форме плана занятий молодежи в проектируемой школе, нашли свое воплощение основные взгляды Огарева на науку и школу будущего, определены их роль и место в социально-политической и экономической жизни общества.

Какой же представлялась Н. П. Огареву **политехническая народная школа**, которая должна была стать основным центром формирования личности молодых преобразователей новой России? Проект этот, несмотря на свою утопичность, — весьма любопытный педагогический документ, в немалой степени созвучный нашим современным стремлениям к перестройке школы, народного образования.

В чем его особенность? Ответ на этот вопрос заложен в самом принципе построения политехнической школы, из которого следует, что **образование — нечто противоположное невежеству.** Народ, по утверждению автора проекта, не знает никакого научного объяснения естественным явлениям и приложению науки к производству. Косность, забитость, невежество, рутина убивают чувство собственного достоинства, парализуют его способность к самодеятельности.

Следовательно, надо прежде всего развеять предрассудки, помочь людям преодолеть страх и фатализм «божьего произвола», дать научное объяснение естественных явлений, воспитать у них критическое отношение ко всему, чего они боялись века-

ми, выработать самостоятельность суждений и действий. Исходя из этого основной целью и задачей своей школы Огарев ставил подготовку из учеников «мужиков-пропагандистов», носителей просвещения. А чтобы образованием можно было охватить наибольшее количество крестьянских детей, он требовал от своих учеников в воскресные дни учить других тому, чему они научились в школе. Он даже создал для этих целей специальные «воскресные классы». Здесь решались сразу две задачи: его ученики получали специальную «педагогическую практику» и одновременно с этим ускорялся процесс обучения грамоте широких масс крестьянских детей.

Отметим также, что Н. П. Огарев с высоким доверием относился к творческим возможностям «мужицких» детей. Подтверждением этому является и содержание учебного плана создаваемой им школы, в которой наряду с такими традиционными предметами, как чтение, письмо, арифметика, включались геометрия, астрономия, физика, химия, геология и естествознание с зоологией, физиология, а также география, сельская и техническая архитектура, лесоводство, технология и сельское хозяйство.

Однако приведенный перечень предметов позволял решить лишь одну часть задачи — **вооружение учащихся общими и политехническими знаниями** с целью подготовки культурного земледельца — мужика, хорошо знающего науки. Что же касается второй задачи — подготовки из среды сельских тружеников **пропагандистов** «как ферментов» преобразования русской деревни, то в названный проект школы включался **комплекс общественных наук**, в том числе: политическая экономия, сведения из истории, понятие права, нравственности и «прямое нападение на предрассудки», а также «критический обзор наших постановлений».

Не правда ли, довольно обстоятельный курс? И, заметим, составленный без боязни вызвать нарекания о **перегрузке детей.**

Объясняя содержание этой весьма насыщенной школьной программы и отводя возможные упреки, Огарев сам писал в пояснении к ней: «Мне скажут, что это почти университетский курс... Если бы так, что за беда? Но размер науки и практическая цель покажут, что это не университетский курс, а именно тот, который должен образовать селянина» [3, с. 13].

Н. П. Огарев совершенно изгнал из своего учебного курса всевозможные антинаучные дисциплины, в том числе и Закон Божий! Более того, он ввел специальный **курс нравственности** и «прямого нападения на предрассудки». В помощь обучаемым он составил специальное пособие — «Народную учебную книгу» и «Курс популярной энциклопедии». Все делалось для того, чтобы, как признавался Николай Платонович, «...человека воспитать для всех успехов века». И человека этого Огарев представлял, выражаясь современным языком, гармонически развитой личностью.

Тем же целям служила и разработанная им **методика обучения,** базирующаяся на таких дидактических принципах, как научность знаний и популярность их изложения; последовательность и взаимосвязь обучения; преемственность и доступность в изложении сложного материала. Этим же целям служили наглядность обучения и подкрепление теории практическим опытом.

Наконец, он вводил и такой особо важный компонент дидактики, как **приложение знаний к конкретным видам практики.** Так, у него знания учеников по физике, химии на первом году обучения «прилагались» к почве и растительности; на третьем году та же химия, не прекращая «приложения» к земледелию и физиологии растений, переходит на физиологию животных и «прилагается» к скотоводству. То же самое и по другим предметам. География, например, на четвертом году обучения «прилагалась» к производству и торговле разных стран. Как видим, идея единства **теории и практики,** «приложения» прохо-

дит у Н. П. Огарева красной нитью через весь план его школы. А в этом и есть суть подлинного политехнизма!

Тем же целям служит и учебный физический труд. В специальном разделе плана «Телесная работа» автор предусматривает для мальчиков 12 — 14 лет **работу в мастерских**, где они постигают столярное, кузнечное, слесарное и «медное» ремесла. Начиная со второго года обучения, учащиеся получают умения изготовления моделей простых машин, мельниц, разных сельскохозяйственных орудий и т. п. В конце четвертого года учебы они уже строят какой-либо завод и сами пускают его в работу на пятом году обучения.

Вместе с тем Огарев отдавал себе отчет в том, что для реализации этих задач нужны **новые люди**, обладающие научными знаниями и практическими умениями, позволяющими им преодолеть косность не только в способах ведения сельского хозяйства, но и в своем сознании и миропонимании, в отношении к действительности. А это было значительно труднее. Поэтому он акцентирует внимание на вопросах **воспитания** нового человека.

Основной задачей воспитания, по его мнению, должно быть воспитание **разума и здравого смысла.** Такая точка зрения не могла ужиться с широко распространенным в то время религиозным мировоззрением. Н. П. Огарев не признавал ни религиозных вероучений, ни церковной печати. Он требовал учить учеников по гражданским буквам. Светскость воспитания выражалась также в отмене посещений учениками церкви, в пренебрежении целым рядом обычаев (соблюдение постов, выполнение церковных обрядов и т. п.), в «ежеминутном противодействии предрассудкам».

Важное значение придавал Н. П. Огарев воспитанию у детей **чувства собственного достоинства, самостоятельности и технического творчества.** Учащиеся, как отмечено выше, сами изготовляли несложные машины, строили заводы, и работали на них.

Целям **развития самостоятельности суждений и воспитания критического подхода к действительности** служил и специальный предмет — «критика наших постановлений».

Среди других факторов воспитательного воздействия, сформулированных в разделе плана школы «Образ жизни учеников», выделялись уважительное отношение учителя к ученикам, воспитание чувства личного достоинства (отмена в школе телесных наказаний, запрещение ставить на колени и т. п.). Воспитывались также **навыки культурного поведения,** личной гигиены и гигиены быта (чистое платье, смена белья на кроватях школьников два раза в неделю и т. п.). Целям воспитания и всестороннего развития личности учащихся служил и четко разработанный Огаревым **режим учебы, труда и отдыха в школе,** что достигалось чередованием уроков, телесной работы, занятий гимнастикой и т. п.

Как видим, основным содержанием воспитания в школе Огарева, формирующей человека новой формации, являлось **общее и политехническое образование,** а также воспитание «**разума и здравого смысла**», то есть **нравственное воспитание,** включающее в себя воспитание этической культуры, свободомыслия и навыков гигиены.

Н. П. Огарев писал в письме А. И. Герцену 7 января 1847 г., что серьезно задумывается над тем, «...как дать ребенку такой ход, чтобы он вышел гуманен и мягок, объемлющ и не игнорант (мало сведущий. — **И. Н.**), чтобы специальность не сделала его узким? Чтобы общее занятие не сделало его ничего не знающим...» [2, с. 752].

Идея политехнической школы настолько заинтересовала семью А. И. Герцена, что Наталья Александровна, жена Герцена, выражая полную поддержку идеи Огарева, писала ему: «А что, школа будет у тебя в деревне? Тогда мы привезем наших детей туда учиться, и учителей, и я сама бу-

ду учить, чему умею... Заводи же поскорее школу» [1, с. 282].

Ну а поскольку успех работы школы зависит от учителя, то для воспитания будущего поколения, по убеждению Огарева, надо иметь **людей исключительных,** полностью посвятивших себя этому делу.

Первое и основное требование, которому должен отвечать такой учитель, — он должен быть выходцем из крестьян, иметь достаточное математическое и естественное образование, глубокую научно-практическую подготовку, глубокие знания своего предмета и широкую общую эрудицию. От учителя требовалось быть образцом нравственного поведения, человеком, любящим как умственный, так и физический труд, так как только в этом случае он способен воспитать трудолюбие и творческую увлеченность своих питомцев.

Стимулирующим началом в практической деятельности учеников школы Огарева являлось предложение об освобождении их от крепостной зависимости после ее окончания при обязательном условии, что они сами остаются в течение четырех лет учителями в данной местности, продолжая обучение крестьянских детей и соответствующую просветительскую работу среди населения.

Развивая свою идею политехнической школы, Н. П. Огарев в начале 60-х гг. создает оригинальный проект «народных земледельческих училищ». Земледельческое образование, агрономические знания в условиях аграрной России Н. П. Огарев считал чрезвычайно важными. Но и этот его план был подчинен требованиям научности и политехнизма.

Училище было рассчитано на трехгодичный срок обучения. Однако уже с первого класса, являющегося классом грамотности, наряду с преподаванием таких предметов, как чтение, письмо, арифметика, Огарев вводил черчение и графическое преподавание арифметики как наиболее живое и легкое, близкое к земледельческой цели. Во втором классе учащиеся знакомились с начальными основами физики, неорганической химии и ботаники, а их знания «прилагались» к хлебным растениям, лесоводству, травосеянию и т. п. Сельскохозяйственную направленность предлагалось выдержать и в содержании включенного в учебники материала. Для усиления научной направленности обучения в старших классах вводились такие предметы, как физика, теория земледелия, земледельческая химия, технология и другие.

Как и в политехнической школе, в плане училища предусматривались изучение ремесел и трудовые занятия в «рабочих классах». А чтобы приохотить учащихся к подобным работам, предлагалось продукцию их труда реализовать, а доходы от продажи делить между ними.

Важным шагом вперед, особенно в вопросах всеобщности обучения, является в училище и то, что в нем наряду с мальчиками предусмотрено обучение девочек. Н. П. Огарев считал, что участие в сельскохозяйственном труде женщин наравне с мужчинами требует вооружения их знаниями земледелия. Акцентируется внимание на активном включении женщин в учительскую работу.

Прочно встав на позиции «крестьянской революции», Н. П. Огарев, как и А. И. Герцен, видел реализацию своих взглядов в подготовке активных, свободных и грамотных строителей новой жизни. В школах, по его твердому убеждению, учащиеся должны получать **общечеловеческое образование**, обеспечивающее воспитание их как революционеров-просветителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гершензон М. О.** История молодой России. М.: ГИЗ, 1932. 318 с.
2. Герцен и Огарев // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 61. 943 с.
3. **Огарев Н. П.** Народная политехническая школа // Избр. соц.-полит. и филос. произв.: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 7 — 15.

СВЯЗЬ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ — ОСНОВА ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ

В. П. АНДРОНОВ, кандидат психологических наук,
Н. И. МЕШКОВ, С. И. БРЕЕВ, кандидаты педагогических наук

Профессия учителя является наиболее массовой и одной из самых значимых. К. Д. Ушинский отдавал ей предпочтение по сравнению с другими. Учитель, по его образному выражению, является хранителем святых заветов людей, боровшихся за истину, за добро, это связующее между прошедшим и будущим [2, с. 32].

По мере развития народного образования в стране все больше ощущалась потребность в педагогических кадрах и осознавалась необходимость улучшения их подготовки. Особую роль в становлении системы подготовки учителей в нашей стране сыграл Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. В его стенах получила развитие отечественная просветительная педагогика второй половины XVIII в. На его традициях воспитывались В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, Н. П. Огарев и многие другие.

В настоящее время наметились два основных направления педагогического образования: подготовка учителей в педагогических учебных заведениях и в университетах. Первое можно считать относительно стабильным и достаточно целостным со своей концепцией. Второе находится в затянувшемся поиске идеальной модели специалиста-педагога и в постоянной корректировке самой системы подготовки учителя. В связи с этим можно выделить два этапа ее развития. Точкой отсчета первого этапа является начало резкой идеологизации высшей школы в пятидесятые годы, что повлекло за собой сокращение содержания педагогического образования, унитаризацию методов преподавания дисциплин психолого-педагогического цикла, упразднение госэкзаменов и других активных и исследовательских форм и методов обучения.

В последнее время была обозначена ориентация на фундаментализацию университетского образования. Педагогическая подготовка отошла на последний план, ей, по существу, было придано второстепенное значение. Система университетского педагогического образования вступила в свою критическую фазу.

Усиленные поиски новой модели подготовки учителя в университете, наблюдаемые в настоящее время, знаменуют начало нового этапа. Его характерная особенность — идея дифференциации в рамках трехуровневой системы. Пока эта модель находится в стадии осмысления. Однако предпринимаемые первые практические шаги внушают серьезное опасение за дальнейшее развитие системы университетского педагогического образования. Похоже, что речь идет не о расширении, а о дальнейшем сужении этого образования. Наметившийся вакуум в общей системе университетского образования (отказ от военной подготовки, непопулярность общественных дисциплин) спешат заполнить культурологи и фундаменталисты.

Принятие многоступенчатости, заимствованной в зарубежных странах, — не главное радикальное средство совершенствования университетского педагогического образования. Более важным является учет новых тенденций в зарубежном опыте подготовки педагогических кадров. Одна из них — идея непрерывного педагогического образования, которая как бы зависает в воздухе в рамках трехуровневой модели университетского образования.

Общие тенденции развития зарубежного педагогического образова-

ния отчетливо просматриваются в опыте подготовки учителя США, где возрастает роль теоретического аспекта. Например, в педагогической школе при Стенфордском университете студентам предлагается выбор от 100 до 200 курсов. Среди них: американское образование и политика общества, исследование проблем педагогики, история педагогики, модель ребенка в современной педагогике, сравнительная педагогика и другие [1, с. 34].

Исследования ученых США сосредоточены на разработке перечня педагогических умений и навыков, изучении структуры деятельности учителя. Акцент делается на применении практических форм и методов обучения. Важное место отводится микрообучению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Абдуллина О. А.** Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. М.: Просвещение, 1984. 208 с.

2. **Ушинский К. Д.** О пользе педагогической литературы // Собр. соч. М.: Л., 1948. Т. 2. С. 15 — 41.

ПОДРОСТОК И НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА

Г. П. САВКИНА, аспирант

В условиях обострения социально-экономической и политической ситуации наблюдается тенденция к развитию кризисных явлений в подростковой среде, проявляющаяся в нарастании агрессивности, скептицизма. Мы стоим перед опасностью получить поколение, разуверившееся во всем и во всех. Многих учащихся школ сегодня отличают моральная конфликтность, эмоциональная напряженность, резкий спад интереса к учебе, труду.

Современный подросток... Какие нравственные качества для него наиболее значимы? Каких целей он стремится достичь в своей жизни? Что является источником его нравственной информации, где он черпает знания о достоинствах, о нормах поведения?

Мы провели ряд исследований на базе Инсарской 8-летней школы, городского и республиканского сбора пионерского актива в августе — октябре 1991 года. Для изучения источников нравственной информации, собственной позиции подростка в деятельности, направленной на усвоение нравственных норм, была использована методика З. И. Васильевой. Более чем 220 респондентам (учащимся 5 — 7-х классов указанной школы, участникам сбора) были предложены вопросы следующего содержания: «Из каких источников ты приобретаешь знания о нравственных нормах поведения, достоинствах человека: из книг, газет, журналов, по радио, телевидению, от друзей, в семье, из наблюдений из жизни?», «Приходилось ли тебе участвовать в обсуждении спорных и сложных вопросов на нравственные темы, отстаивать свое мнение? Если да, то где: на уроке в разговоре с учителем, среди товарищей, на сборе, с родителями в семье, на диспуте, в другом месте?».

По полученным данным можно судить о том, что все основные источники информации, через которые происходит приобщение учащихся к опыту общественного поведения, характеру их отношений, используются учащимися, но в разной степени. Пятиклассники: в семье — 42 %, из книг, газет, журналов — 37 %; шестиклассники: из книг, газет, в семье — более 60 %; се-

миклассники: из книг, газет, журналов — 57 %; в семье — 40 %.

Особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что лишь 28 — 36 % респондентов назвали в качестве источника моральных знаний радио, телевидение. Таким образом, признанным источником являются книги, газеты, журналы, общение в семье.

Какова же активность учащихся при обсуждении нравственных вопросов? Лишь 39 % учащихся 5-х классов и чуть более половины шести- и семиклассников отстаивают свою точку зрения, свое мнение. Значителен процент (от 12 до 23) тех, кто не помнит о своем участии в подобных мероприятиях. Наиболее активно обсуждаются нравственные проблемы среди товарищей (35 — 37 %), а слабо (от 14 до 27 %) — на уроке, пионерском сборе.

Вывод: низкая активность учащихся при обсуждении нравственных вопросов в организованных формах учебной и общественной деятельности, отсутствие достаточного опыта в этом направлении объясняют тот факт, что такие качества личности, как активность и интерес к нравственным знаниям, не заняли высокого места в оценке учащихся, не выступили определяющими критериями нравственной характеристики личности.

Для получения сведений о качествах, наиболее значимых и ценных для подростка, нами была использована методика М. Рокича. Модернизированная Б. С. Кругловым применительно к старшеклассникам, она была применена и для изучения подростков, но с учетом особенностей их психического развития, которые обусловливают, с одной стороны, функционирование механизма дифференциации ценностей, с другой — характер выбора тех или иных ценностей как актуальных для школьников 5 — 7-х классов. Проведенное нами исследование показало, что некоторые из предложенных по стандартной методике ценностей либо не являются таковыми для детей 11 — 13 лет, либо, например, представляют абсолютные ценности. Это позволило сократить список ценностей с 16 до 10.

Оценивалось каждое качество по 5-балльной системе. Респондентам предлагался следующий набор качеств: чуткость (заботливость), воспитанность (вежливость), жизнерадостность, трудолюбие, смелость в отстаивании своих взглядов, своего мнения, дисциплинированность (исполнительность), непримиримость к недостаткам в себе и в других, честность (правдивость), ответственность (умение держать слово), твердая воля (не отступать перед трудностями).

Мы учитывали, что подростки имеют определенный жизненный опыт. Исследование показало, что самые значимые качества для пятиклассников — воспитанность, чуткость, честность, в меньшей мере значимы трудолюбие, ответственность, твердая воля, на последнем месте — смелость в отстаивании своего мнения, непримиримость к недостаткам в себе и в других, дисциплинированность. У шестиклассников на первом месте трудолюбие, твердая воля, воспитанность, в меньшей мере значимы чуткость, честность, ответственность. У семиклассников воспитанность, честность — на первом месте, а на последнем, как и у учащихся 5 — 6-х классов, — непримиримость к недостаткам в себе и в других, смелость в отстаивании своего мнения.

По итогам анализа полученных материалов была поставлена задача сопоставить результаты с данными другого исследования, целью которого являлось изучение оценки и самооценки школьниками нравственных качеств личности с учетом конкретной ситуации их жизнедеятельности по методике З. И. Васильевой. Здесь респондентами являлись 120 учащихся 5 — 7-х классов вышеуказанной школы и участники сбора. Методика изучения в данном случае предусматривала самооценку подростками нравственных качеств и ответы на 4 вопроса: «Какие из перечисленных ниже качеств важны в учебной работе?», «Как ты думаешь, какие из этих качеств ценят в тебе то-

варищи?», «Какие из этих качеств ты ценишь в товарищах?», «Какие из этих качеств тебе хотелось бы приобрести в ближайшем будущем?» (табл.).

Таблица

Ранжированный ряд качеств личности (по оценкам учащихся)

Качества	Номера вопросов											
	1-й			2-й			3-й			4-й		
	5-й кл.	6-й кл.	7-й кл.	5-й кл.	6-й кл.	7-й кл.	5-й кл.	6-й кл.	7-й кл.	5-й кл.	6-й кл.	7-й кл.
1. Дисциплинированность	1	6	1	3	1	5	4	4	5	1	7	4
2. Трудолюбие	2	1	2	5	4—6	2	1	2	2	2	2	2
3. Ответственность	4	3	3	7	7	7	5	6	7	5	4—5	6
4. Общественная активность	7	5	7	8	9	6	7	8	8	7	4—5	6
5. Честность	3	2	4	1	2—3	1	2	1	1	3	1	1
6. Отзывчивость	5	7	6	4	4—6	8	6	3	4	8	6	3
7. Самостоятельность	6	4	5	6	2—3	4	2	7	6	6	8	7
8. Доброта	8	8	8	2	4—6	3	3	5	3	4	3	5
9. Стремление отстоять свое мнение	9	9	9	9	8	9	9	9	9	9	9	9

Размышляя над вопросами, подростки составили три нравственных характеристики: на ученика, товарища, самого себя. С их точки зрения, для учебы самые важные качества — трудолюбие, дисциплинированность, ответственность; в характеристике товарища — трудолюбие, честность, доброта. На вопрос «Какие качества ценят в тебе товарищи?» учащиеся всех возрастов в качестве ответа выбрали честность, доброту, самостоятельность.

Используя результаты двух исследований, можно сделать следующие выводы.

Настораживают данные о менее ценимых подростками качествах их личности, таких, как смелость в отстаивании своего мнения, непримиримость к недостаткам в себе и других, общественная активность, причем у подростков даже нет стремления приобрести вышеперечисленные качества в ближайшем будущем.

Недостаточно важным признается такое качество, как самостоятельность, что можно объяснить превалированием репродуктивной деятельности в познании и исполнительской позиции при выполнении различных общественных поручений.

На наш взгляд, интересны итоги исследования основных целей жизни подростков. Они отражают долговременную жизненную перспективу и то, к чему ребята стремятся. Цели определяют смысл их жизни, указывают, что для них важно, значимо, ценно. Более чем 200 респондентам был предложен список из 10 целей, включающий в себя следующие ценности: хорошие, верные друзья, интересная работа, здоровье, уважение товарищей, окружающих, равенство, материальная обеспеченность (отсутствие материальных затруднений в жизни), самостоятельность, независимость в оценках и суждениях, удовольствие, счастливая семейная жизнь, возможность расширения своего образования, кругозора.

Анализ ответов показал, что здоровье является самой важной цен-

ностью в жизни, независимо от возраста ребят. Хорошие, верные друзья, счастливая семейная жизнь тоже занимают высокое место. Для семиклассников также важны уважение товарищей, интересная работа; для шестиклассников — возможность расширения своего кругозора. Последнее место занимают: материальная обеспеченность, жизнь, полная удовольствий, много развлечений, самостоятельность и независимость в оценках и суждениях.

Таким образом, вывод из этого исследования аналогичен предыдущим.

Моральные качества не даются людям при рождении. От рождения люди ни добры, ни злы, ни честны, ни бесчестны. Те или иные качества приобретаются в обществе, а их характер и содержание определяются средой, в которой человек живет и трудится.

Философия

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК МАТЕРИАЛ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В. В. МАХАЕВ, кандидат технических наук

Под стереотипом в социологии понимается схематичный стандартизированный образ, представление о социальных объектах, персонажах и эталонах массовой культуры, привычный канон мысли, восприятия и поведения. Используемый в современной манипулятивной пропаганде стереотип есть универсальная, эмоционально окрашенная установка [2]. Соответственно национальные стереотипы — традиционные, устойчивые внутренние смыслы культуры, ценности и символы, национальные предрассудки, поведенческие клише. Стереотипизация охватывает моральные нормы, способы социализации, бытует в ментальности, функционирует в идеологии, искусстве.

Стереотипизированные формы противостоят всему новому, непривычному, что не приемлет консервативное сознание, с другой стороны, стереотип не тождествен традиции. Национальный стереотип не есть сублимирование архаики, которая всегда остается в культурном коде и обеспечивает инерционность культуры; в этом смысле стереотип — вульгаризация архаики, упрощение культурной ситуации до вечно длящегося статус-кво [3].

Мифологические представления, архаические пласты постоянно актуализируются в культуре, но реставрация древних содержаний происходит отнюдь не в массовой сфере (в современной отечественной культуре русский авангард, А. Платонов, В. Распутин). Идеология же культивирует такое мифосознание, которое можно использовать в целях политического манипулирования массами. Национальный стереотип не является также рецидивом традиционной крестьянской культуры (чем были, например, литературные утопии А. Чаянова, поэзия Н. Клюева). Разрушение органических соци-

альных структур в 20—30-е гг. нашего столетия, массовое деклассирование сопровождалось разрушением традиционного крестьянского сознания, «следы» которого обнаруживаются в современных стереотипизированных формах. Национальные стереотипы, являясь продуктом национальной культуры, теряли свои национальные черты, выхолащивались, превращались в идеологические нормы, поведенческие правила, эстетические клише, в проявление коллективного советского бессознательного, знаки и символы советской жизни.

Учитывая социальные, идеологические факторы, способствующие формированию стереотипизированных форм (управляемость культуры, характер культуры власти), постараемся выявить объекты, средства и цели стереотипизации в советской культуре 30—50-х и 60—80-х гг. В качестве объекта стереотипизации в данном случае важны основополагающие социокультурные явления — доминирующие национальные (русские, российские) стереотипы: представления о власти, государстве, социуме, национальной идее, «золотом веке», предметной среде и ландшафте, искусстве.

Образ власти. Стереотипными являются представления о власти как сфере, отделенной от социума, о ее ничем не ограниченной способности творить добро и зло, о харизматическом лидере, наделенном исключительными способностями, а также патерналистский комплекс [1, с. 148 — 149] и власть слова (политическая риторика, лозунги, художественная литература, вербальность искусства).

Образ государства. Стереотипно представление о державе, великой империи с централизованным управлением и бюрократическим аппаратом, которому подконтрольны все сферы жизни общества, в том числе духовная.

Образ социума. Стереотипны представления о приоритете коллективного над частным, о ничтожности личности в коллективе — субъекте социальной активности (общинное сознание, соборное деяние, коллективное творчество, коллективный разум, классовое сознание).

Национальная идея. Стереотипом является представление об исторической избранности, исключительности собственной судьбы (вульгаризированный вариант русской идеи, первое в мире социалистическое государство, лидирующая роль русского народа в братской семье советских народов, освободительная миссия русского солдата и т. д.).

Образ «золотого века». Утопичны народные представления о стране счастья, равенства, обилия (Беловодье в крестьянских утопиях, страна Муравия, светлое коммунистическое будущее).

Образ предметной среды и ландшафта. Стереотипны национальный образ мира, образ ландшафта своей страны [1, с. 160 — 270], города. Традиционны в русской культуре диалог двух столиц, одна из которых выступает в национальном сознании столицей мира, культ центра, Московского Кремля как символа национальной и коммунистической государственности. Важнейшие мифы русской культуры: дорога (в советском варианте — путь к коммунизму), Волга-матушка (и родина пролетарского вождя на ее берегу) и др.

Искусство. Традиционно представление об особой функции искусства, о нехудожественных смыслах произведений (формирование идеологий, обслуживание государственной идеи); приоритет содержания и отсутствие чувства формы порождают бесстилие художественной культуры; социальная функция является ведущей, отсюда — доктрины гражданственности, народности искусства и долга художника перед народом.

Для переработки национальных образов, мифологии, исторического материала привлекаются средства редуцирования: использование традиционных схем и мотивов; перестановка первообразов; переплавка архетипов в новообразования [4]; замена поэтического содержания политическим; гар-

монизация «несовершенного» архаического текста.

Национальная политика в области культуры в 30—50-е гг. представляла собой имперские поползновения к абсолютной унификации республиканских культур, насильственной профессионализации фольклора, реабилитации российского имперского мышления на волне естественного патриотизма во время войны. В конце 30-х гг. усилились диахронные связи в культуре, идеология апеллировала к истории, однако историзм культуры сталинского периода имел формальный характер отчужденной традиции, духовной профанации. В возрожденной российской государственности и символике национальная идея политически играла большую роль, чем социальная, и только потому была использована [6, 7]. Эксплуатация психологии русских, возврат к официальной идеологии Николая I способствовали формированию синтетического национально-русского и интернационально-советского образа — Родины.

Национальное, не служившее утилитарным целям, становилось декорумом — таково было фактическое содержание официальных доктрин историзма, народности, национальной формы в искусстве. Национальное в социалистическом реализме было стилизацией (песенные оперы 30—40-х гг., реминисценции русского ампира в послевоенной архитектуре), имитацией (лубок в кино), фальсификацией (академический фольклор). Герои русской истории использовались в пропаганде и искусстве строго функционально, с последовательным программированием политических целей [5]: в конце 30-х—40-е гг. ими стали русские полководцы, в конце 40-х — начале 50-х — ученые и изобретатели.

В 60-е гг. в тоталитарную советскую культуру врастают демократические элементы. Стереотипы, санкционированные официальной идеологией, и стереотипы, функционирующие как атрибуты общественной моды, начинают сосуществовать. Псевдоисторизм и псевдонародность советского масскульта 60—80-х гг. проявились в модных увлечениях предметами старины и крестьянского быта, иконами, в псевдорусском дизайне крайне низкого качества, в пробуждении интереса публики к тем персонажам отечественной истории и культуры, которые не ассоциировались с официальной идеологией (скандальные герои В. Пикуля, вульгарно-мифологические К. Васильева, запрещенные советской цензурой И. Глазунова).

Как каждый исторический перелом, начало 90-х гг. породило активную знаковую деятельность. Ее мотивировкой стал возврат к традиционным ценностям, в том числе национальным. Вслед за окончательным разрушением официальной советской культуры происходит смена топонимов, усиливается внимание к внешним атрибутам дореволюционной культуры, ведется поиск символов, синтезирующих как традиционные, так и демократические устремления власти (коммунистический красный Кремль — демократический Белый дом), популяризируются новые персонажи национальной культуры (православные святые, цари, меценаты). Национальные образы и эмблемы накладываются на мощный поток продукции западного масскульта и микшируются приемами, характерными для подачи информации современными масс-медиа. Мы являемся свидетелями формирования национального имиджа в сфере государственной идеологии, массового сознания и искусства.

Доминирующая форма современной культуры — масскульт — наряду с другими элементами использует национальные стереотипизированные формы. Степень национальной детерминированности массовых социокультурных процессов является важной проблемой, которая и была поставлена в данной статье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гачев Г.** Национальные образы мира. М., 1988.
2. **Гуревич П. С.** Стереотип // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 332.
3. **Козлова Н.** Там, где кончается искусство // Обществ. науки. 1990. № 6. С. 121.
4. **Маматова Л.** Модель киномифов 30-х годов // Искусство кино. 1991. № 3. С. 88 — 97.
5. **Симонов К.** Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 4. С. 77.
6. **Федотов Г. П.** Как Сталин видит историю России? // Вопр. филос. 1990. № 8. С. 156 — 159.

Филология

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ МОРДОВСКИХ (МОКШАНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКОВ

С. И. ЛИПАТОВ, кандидат филологических наук

Родной язык выражает не только мысли народа. Через него познаются его история и быт, нравы и поверья. Вот почему преподавание родного языка должно находиться в центре внимания национальных школ и вузов.

Большое беспокойство вызывает сегодняшнее положение дел с сохранением и развитием эрзянского и мокшанского языков. Тревожит пренебрежительное отношение к их изучению. Это следствие того, что некоторые представители мордовской национальности считают языки ненужными.

В учебной и воспитательной работе мордовской школы весьма важное место должно отводиться занятиям по развитию родной речи учащихся. Но выработка правильной речи не ограничивается только уроками родного языка, она должна сопутствовать всем видам деятельности. Прочные знания по родному языку помогают учащимся лучше усвоить программный материал русского языка, так как их связывают общность графики, основных принципов орфографии, классификации частей речи, основ грамматической терминологии.

Мордовская школа не может пожаловаться на отсутствие учителей родного языка и литературы: высшие и средние педагогические учебные заведения выполняют заказ на этих специалистов. Следовательно, есть все условия для успешного преподавания родного языка в школах и обеспечения высокого уровня успеваемости учащихся.

Однако нельзя не учитывать и отдельные проблемы, которые затрудняют работу учителя. В первую очередь необходимо отметить большое разнообразие диалектных отклонений от мордовских литературных языков. Еще М. Е. Евсевьев на основании своих обширных диалектологических исследований насчитывал более двухсот разновидностей мордовских говоров, имеющих фонетические, морфологические и лексические особенности.

Вся работа учителя с детьми имеет конечной целью развитие мышления и выработку умения выражать мысли на родном литературном языке. Полностью эта задача может быть выполнена в средней школе, но работа должна вестись уже с самых первых дней обучения детей.

До прихода в школу большинство мордовских детей достаточно свободно владеют тем говором (диалектом) мокшанского или эрзянского языка, который бытует среди местного населения, но не знают его литературного эквивалента. Это обстоятельство ставит перед мордовской школой довольно сложную задачу, которая за-

ключается в том, чтобы постепенно подвести их к овладению литературным языком через расширение словарного запаса.

Проблема эта в разных районах Мордовской республики стоит неодинаково остро. Например, в мокшанских школах Краснослободского, Темниковского, Ковылкинского районов и в эрзянских школах Атяшевского, Ардатовского, Дубенского районов таких трудностей будет немного, так как бытующие здесь диалекты были положены в основу мокшанского и эрзянского литературных языков. Значительно сложнее задача у педагогов Инсарского, Торбеевского, Зубово-Полянского, Ичалковского, Большеигнатовского, Чамзинского районов.

В Теньгушевском и Торбеевском районах распространены эрзянские-шокша и мокшанские-шокша говоры, которые наиболее существенно отличаются от эрзянского и мокшанского литературных языков. Поэтому здесь проблема их усвоения стоит наиболее остро. В этом случае неоценима роль радио и телевидения, посредством которых дети могли бы постепенно постигать премудрости «культурной» речи.

Задача учителя — предостеречь учащихся от всевозможных диалектных ошибок в тех случаях, когда формы слов, словосочетаний, а также словообразование в их говоре отличаются от принятых литературных норм. Для этого педагогу необходимо знать не только литературный язык, но и особенности говора своих учеников.

Не менее важной проблемой является то, что, например, в мокшанском литературном языке 40 фонем, а букв для их обозначения на письме только 33, поэтому некоторые буквы имеют два и более звуковых значения, например: **тоса** «там» — **тяса** «здесь», **тоза** «туда» — **тяза** «сюда» и т. д. Эти слова начинаются с буквы **т**, но эта буква обозначает два разных звука: **т** и **т'** Такая же проблема и в области гласных, например: **веле**(вэл'ъ) — «село», **ведьге**(вэд'гä) — «по воде», **седьге**(с'эд'гä) — «по мосту». В данном случае буквой **е** обозначаются три звука: **э**, ä (переднерядный гласный) и **ъ** (гласный неполного образования, или редуцированный). Это значительно усложняет мокшанскую орфографию и тем самым затрудняет работу учителя.

Известно, что алфавиты мордовских языков созданы на базе русской азбуки без каких-либо дополнительных знаков, хотя фонетический состав мокшанского языка во многом отличается от фонетического состава русского языка. Чтобы решить проблему смыслоразличения, нужно ввести в мокшанский алфавит дополнительные буквы, и в первую очередь для обозначения ä (гласного **а** переднего ряда) и **ъ** (редуцированного гласного), которые в мокшанском литературном языке выступают как отдельные фонемы.

Некоторой помехой в работе учителя по развитию устной речи школьников (особенно на начальном этапе обучения) является стеснительность. Учителю надо знать об этой черте детской психологии и быть готовым к ее преодолению. Если ребенок робеет и говорит невнятно и тихо, учитель должен заставить его говорить яснее и громче. Начальная стадия работы по развитию устной речи требует от учителя большого такта. Разумеется, речь детей при поступлении в школу далеко не одинакова. Одни из них довольно логично излагают свои мысли, речь же других бывает отрывочна, непоследовательна. Неумелое и недостаточно бережное вмешательство в речь ребенка может привести к тому, что он вообще перестанет разговаривать и учителю необходимо будет приложить немало усилий, чтобы снова втянуть его в беседу.

Важную роль в развитии речи детей играют усилия учителя, направленные на обогащение их словаря. Расширение лексического запаса и одновременная работа над структурой предложения неразрывно связаны с развитием мышления и привитием навыков правильно выражать мысли.

С целью улучшения словарной работы в школе необходимы различные школьные словари: мокшанско-русский, эрзянско-русский, русско-мокшанский, русско-эрзянский, а также толковые, орфографические, этимологические и т. п. К сожалению, их в мордовских школах нет.

Значительное место в школьном курсе родного языка занимает фонетика. Элементарные сведения по фонетике даются в начальных классах, как особый раздел она изучается в 5-м классе, что помогает осознать звуковую систему языка, способствует выработке навыков правильного литературного произношения, сознательному усвоению грамматики родного языка. При изучении фонетики необходимо обратить внимание на правописание тех слов, произношение которых в условиях местных говоров отличается от литературного. Эта проблема беспокоит особенно педагогов мокшанских школ. Например, в литературном языке имеются такие звуки, как ä и глухой й, которые отсутствуют во многих мокшанских диалектах. В говорах Инсарского, Ковылкинского, Зубово-Полянского районов вместо литературного ä выступает гласный э, а вместо литературного э — диалектный и: лит. **кядь** (кäд'), диал. **кедь** (кэд') — «рука»; лит. **веле**, диал. **виле** — «село» и т. д.

В мокшанских говорах Инсарского и Торбеевского районов вместо литературного глухого й выступает мягкий согласный ш, а в мокшанских говорах Самарской и Пензенской областей, Республики Татарстан — мягкий согласный с: лит. **молихть** (мол'ийхт'), диал. **мол'ишт'** или **молис'т'** — «идут они»; лит. **корхтайхть** (корхтайхт'), диал. **корхташт'** или **корхтас'т'** — «говорят они» и т. д.

Данная проблема представляет особую трудность еще и потому, что для обозначения вышеназванных звуков в мокшанском алфавите нет специальных букв, поэтому в разных позициях они обозначаются разными буквами. Например, гласный ä в начале слова передается буквой **э**: **эши** (äши) — «колодец»; в середине слова — буквой **я**: **кяль**(кäл') — «язык»; в конце слова — буквами **я** или **е**: **вальмя** (вал'мä) — «окно», **пакся** (пакс'ä) — «поле», но **вярьге** (вäр'гä) — «по верху», **антте**(антт'ä) — «я тебя накормлю».

Глухой й на письме обозначается либо сочетанием букв **йх**, либо буквой **х**: **седи** — «сердце», **седихть** (с'эд'ийхт') — «сердца», но **ляй** — «река», **ляйхть**(л'äйхт') — «реки».

Следует упомянуть и такую важную проблему в преподавании мордовских языков, как отсутствие наглядных пособий (таблиц, схем, карточек), технических средств обучения, мало учебно-методической литературы по мордовским языкам для национальных школ, особенно по организации и проведению внеклассной работы по родному языку и литературе, в школьных библиотеках недостаточно художественной литературы на родном языке.

Здесь обозначены только отдельные, наиболее актуальные проблемы преподавания мордовских языков, на которые необходимо обратить внимание не только Министерству образования МССР, но и всей общественности республики, так как национальные школы очень нуждаются в помощи.

Проблемы имеются и в преподавании мордовских языков в высшей школе. В первую очередь следует отметить отсутствие учебников и учебных пособий на родном языке, нет необходимых словарей и т. д. Улучшению качества подготовки учительских кадров для национальных школ республики будет способствовать полное обеспечение студентов учебно-методической литературой на мокшанском и эрзянском языках, школьными учебниками и наглядными пособиями по мордовским языкам и литературе. Необходимо повысить требования к знанию родного языка не только в национальных школах, но и в вузах республики. Поэтому на вступительных экзаменах на национальное отделение абитуриентны должны сдавать два экзамена по родному язы-

ку и литературе — письменно и устно. Сочинение они должны писать по произведениям мокшанских и эрзянских писателей на родном языке. И, наконец, последнее: необходимо придать мокшанскому и эрзянскому языкам статус государственных в Мордовской ССР наравне с русским языком. Тогда проблемы функционирования родного языка исчезнут сами собой.

О ДВУХВАРИАНТНОСТИ ЗВУКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ АФФИКСОВ

Г. С. ИВАНОВА, ассистент

Для современного мокшанского литературного языка и диалектов характерна двухвариантность звукового оформления некоторых падежных аффиксов, причем к основе с переднерядным вокализмом чаще присоединяется аффикс с гласными переднего ряда и мягкими согласными, а к основе с заднерядным вокализмом — аффикс с гласными заднего ряда и твердыми согласными.

Раздвоенность падежных аффиксов наблюдается в транслативе, который морфологически оформлен суффиксами **-га**, **гä**, **-ка**, **кä**, **-ва** (в диалектах с семифонемной гласной системой) и **-га**, **ге**, **-ка**, **-ке**, **-ва** (в диалектах с шестифонемной гласной системой).

Суффикс **-га** присоединяется к основе с заднерядным вокализмом, оканчивающейся на твердый звонкий согласный: **пов-га** «по снегу»; **-гä**, **-ге** присоединяются к основе на мягкий звонкий согласный, **й** или **и**: **с'ед'-гä** и **с'ед'-ге** «по мосту», **с'ед'и-гä** и **с'ед'и-ге** «по сердцу», **л'äй-гä** и **л'äй-ге** «по реке»; **-ка** присоединяется к основе с заднерядным вокализмом на глухой твердый согласный, **-кä**, **-ке** — на глухой мягкий согласный: **каркс-ка** «по поясу», **кенкш-кä** и **кинкш-ке** «через дверь»; суффикс **-ва** присоединяется к конечному гласному основы или к интерфиксальному гласному: **вал'ма-ва** «через окно», **кудбр'а-ва** «по крыше», **шал'к-о-ва** «по носу».

Суффиксы **-га**, **-гä** свойственны преимущественно переместительному падежу со значением переживания и предметности.

В лативе большинства диалектов также наблюдается вокалическое разграничение падежных аффиксов в зависимости от качества гласного первого слога слова, например, в существительных со значением направления чаще других встречается суффикс **-и**, если первый слог оформлен гласным переднего ряда, и **-у**, если первый слог оформлен гласным заднего ряда: **вкр'-и** «в лес», но **куд-у** «домой». Лативные суффиксы **-и** и **-у** характерны также для послелогов и послеложных конструкций: **кона шир'и** «в какую сторону», **кут'т' фталу** «за дом». Любопытно отметить, что отдельные послеложные конструкции, выражая значение, отвечающее на вопрос «где?», имеют вокалическую форму, суффикс которой представлен гласным **-е**: **кона шир'е** «в какой стороне». Это реликты латива на **-е** со значением движения, указания места, направления. В свое время они, вероятно, были активными, о чем говорят лативные формы послелогов.

Морфемное разграничение охватывает не только исконно мордовские слова, но и слова-заимствования, в частности из русского языка: **москув-у тус'** «в Москву поехал», **минскäй-и първажайн'ъ** «в Минск проводил».

В абессиве некоторых диалектов,

например в юго-восточном, выступают аффиксы **-фтъма** и **-фт'ъме**, в темяшевском диалекте — **-фтъма** и **фт'имä** (следует отметить, что в положении между двумя палатализованными согласными, между палатализованным согласным и **й** редуцированный гласный более переднерядный, его качество занимает промежуточное положение между качеством гласных **и** и **е**, а в абсолютном исходе аффиксов выступают соответственно **а-** и **е**-образный редуцированные гласные), например: **кут-фтъма** «без дома», **вир'ъ-фт'ъме** и **вир'фт'имä** «без леса».

В городищенском диалекте мокша-мордовского языка, распространенном на территории Пензенской области, подобное разграничение тоже существует, но оно не охватывает конечного слога слова, равно как и в средневадском диалекте, например: город. **лофцъ-фтъма** «без молока», но **мир'д'ъ-фт'ъма** «без мужа», ср.-вад. **сал-фтъма** «без соли», но **кет'-фт'ъма** «без руки».

В мокшанском литературном языке произошло обобщение суффикса **-фтъма** за счет **фт'ъма: -фтъма** присоединяется к основе как с заднерядным, так и переднерядным вокализмом: **кут-фтъма** и **вир'-фтъма, лофц-фтъма** и **кет'-фтъма.**

Двухвариантность аффиксов наблюдается не только в словоизменении, но и в словообразовании. При образовании существительных от существительных мы встречаемся с суффиксами **-ма, -мä, -ка, -кä, -га, -гä,** которым параллельны варианты **-ма, -ме, -ка, -ке, -га, -ге.** Из них суффиксы **-ма, -ме** очень продуктивны, а **га, -ге, -ка, -ке,** по существу, являются вариантами одного и того же аффикса: **меш** «пчела» — **н'ешке** «улей», **йота** «пройти» — **йотка** «проход».

В образовании качественных прилагательных наиболее продуктивными суффиксами являются **-в, -у, -и,** восходящие к **-н'-овому** суффиксу. Суффикс **-в** образует производные от существительных с гласной основой на **а** и ä: **пона** «шерсть» — **пона-в** «шерстяной», **вар'ä** «дыра» — **вар'а-в** «дырявый», суффикс **-у** — от существительных с твердой основой и заднерядным гласным: **сод** «сажа» — **сод-у** «в саже», **сарда** «заноза» — **сард-у** «занозистый», **-и** — от существительных с мягкой основой и гласным переднего ряда: **кеп'ъ** «ширина» — **кел'-и** «широкий», **с'ер'** «высота, рост» — **с'ер'-и** «высокий».

В образовании составных числительных обращает на себя внимание второй компонент. Еще Д. В. Бубрих писал, что слова, основа которых оканчивается на гласный переднего ряда, сохранили древнее положение вещей, характерное для транслатива, показателем которого после переднерядных гласных фактически ожидалось бы **-йа.** Этот показатель в ряде мокшанских диалектов несколько видоизменил свой фактический облик и звучит как **йе** + лативный суффикс [1, с. 179]. В дробных числительных одни формы образуются с помощью суффикса **-у**, другие — с помощью суффикса **-и: кафта** «два» — **кафт-у** «на две части», **н'ил'ъ** «четыре» — **н'ил'и, н'ил'у** «на четыре части»; конечный гласный **и** имеет дифтонгическое происхождение и восходит к ***ий**, а **у** — к ***ув**. В современных мокшанских диалектах происходит обобщение **-ий** в пользу **-ув.**

Явление это имеет широкое распространение и охватывает не только мокшанский ареал, но и эрзянский. По мнению К. Редеи, эта двойственность объясняется, с одной стороны, характером вокализма последнего слога основы, с другой — качеством конечного согласного основы: если конечный согласный основы веляризованный, то суффикс выступает с гласным заднего ряда, если конечный согласный основы палатализованный, то в основе суффикса — гласный переднего ряда. А. А. Шахматов данную языковую закономерность связывал с законом гармонии гласных. Описывая говоры эрзянских сел Оркино и Сухой Карбулак, он, в частности, писал, что в окончании 2-го лица прошедшего времени

находим **-де: мер'ед'е** «сказали», в окончании 2-го лица множественного числа настоящего времени — его твердый вариант **-да: йаката-да** «вы ходите», в окончании 1-го лица множественного числа прошедшего времени **-н'ик/-н'ек.**

Более интересно чередование гласных в окончании изъятельного падежа, вызванное старым законом гармонии гласных: **-фтума, -фтомо** — после твердых согласных, **-фт'им'е, -фт'ем'е** — после мягких. В совместительном падеже распространены окончания **-н'ик/-н'ек** после основы на твердый согласный и гласный заднего ряда, что свидетельствует о нарушении первоначального чередования гласных **а** — **ä** в окончании перемещительного падежа [4, с. 775].

Х. Паасонен писал, что нет ни одного диалекта, в котором бы не выявились следы общемордовской «палатальной аттракции». По его мнению, они находят отражение в количественных числительных 11 — 19, 21 — 29, в некоторых притяжательных формах, в адвербиальных формах аблатива, в некоторых сложных словах. В тех случаях, когда вместо общемордовской передневокальной формы аффикса наблюдается задневокальная, мы смеем утверждать, что в основе этого явления лежит аналогия образования [2, с. 176].

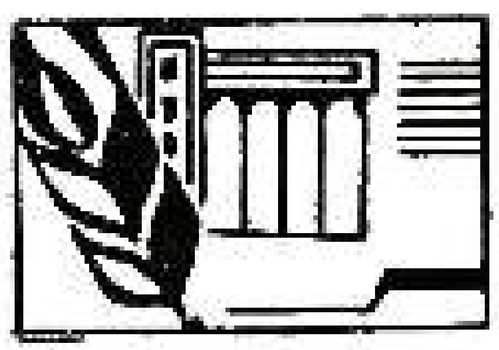
Н. Ф. Цыганов, исследуя особенности употребления гласных первого слога слова в эрзянском языке, писал, что «выбор тех или иных гласных в непервых слогах определяется не только порядком слов или характером согласного, но, прежде всего, гласным начала слова. Гласные первого слога составляют вершину слова и определяют первый слог как головной слог слова. Такая закономерность влияния первого слога слова на последующие представляет не что иное, как явление прогрессивной ассимиляции, а с ассимиляцией гласных тесно связано другое фонетическое явление — гармония гласных» [3, с. 4].

Следы старого закона сингармонизма находят отражение в обоих мордовских языках.

При гласных **и, е, ä** в первом слоге слова качество интерфиксального гласного более переднерядно, на письме передается с помощью буквы **е** и наоборот, при гласных **а, о, у** в первом слоге слова — более заднерядно, на письме передается с помощью буквы **о**.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бубрих Д. В.* Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1953. 270 с.
2. *Паасонен Х.* Мордовская фонетика. Гельсингфорс, 1903. 114 с.
3. *Цыганов Н. Ф.* Из истории вокализма непервого слога эрзянского говора // Филолог. докл. Саранск, 1948. Т. 26. С. 28 — 37.
4. *Шахматов А. А.* Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. 848 с.



ЦИТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ СТРЕССОВЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА РАСТЕНИЯ

Н. Ф. САНАЕВ, доктор биологических наук,
Б. Е. САДОВНИЧИЙ, Г. М. МЫШЛЯКОВ, кандидаты биологических наук

С целью получения измененных растений, представляющих интерес для решения теоретических проблем и задач прикладного характера, используются различные факторы воздействия на исходный материал. Среди них высокой эффективностью обладают мутагены, способные индуцировать разнообразные изменения, в том числе имеющие практическое значение. К ним относятся ионизирующие излучения, определенные группы химических соединений и др. С учетом этого нами проведены опыты, позволившие определить оптимальные варианты применения некоторых мутагенов, которые обеспечивают наибольший выход измененных образцов, ценных с познавательной и селекционной точек зрения. Для их раннего выявления и оценки глубины структурных и функциональных изменений использовали методы цитогенетического анализа, модифицированные к особенности исследуемых растений [1, 2].

В одной серии опытов семена люпина (L. luteus, L. angustifolius) обрабатывали гамма-излучениями ^{137}Cs в широком диапазоне доз (от стимулирующих до критических) — соответственно 41,9; 83,8; 125,7; 167,6; 209,6 и 41,9; 83,8; 167,6; 293,4; 377,2 Гр.

Как установлено исследованиями, под влиянием гамма-квантов изменилась интенсивность деления соматических клеток в корневой меристеме, она возросла при относительно небольших дозах облучения, особенно при 41,9 Гр — у желтого и в пределах 41,9 — 83,8 Гр — у узколистного люпина. Более высокие дозы радиации вызвали ингибирующий эффект, о чем свидетельствует снижение митотического индекса. В соответствии с данными митотической активности находятся показатели роста растений на разных этапах онтогенеза, то есть они прямо пропорционально коррелируют с высотой стебля.

В результате обработки семян люпина гамма-излучениями произошли структурные изменения хромосом, которые у желтого люпина обнаружены уже при дозе 41,9 Гр (0,6±0,2), а у узколистного — при 83,8 Гр (1,5±0,6). С увеличением дозы облучения возрастает число хромосомных аберраций. Так, они составили 2,9±0,8 % у желтого люпина при действии радиации в дозе 125,7 Гр и 2,3±0,8 % у узколистного при дозе 167,6 Гр. Эти дозы оказались наиболее мутабильными, что было подтверждено последующими исследованиями.

В другой серии опытов в качестве индуктора изменчивости растений использовалось электромагнитное поле коронного разряда, впервые изученное в плане экспериментального мутагенеза на кафедре генетики Мордовского университета. Его действие испытывалось на томатах (сорта Пионер и Алпатьева 0905). Воздушно-сухие и проросшие семена обрабатывались при различных экспозициях (10, 20, 30, 40 и 10, 20, 30 мин соответственно) в поле коронного разряда с помощью специально изготовленного прибора [3].

Цитогенетический анализ позволил выявить определенные закономерности хромосомных перестроек. Так, появилась зависимость спектра и частоты их встречаемости от генотипа исследуемых растений, экспозиции и методики применения коронных разрядов (табл. 1). При сходных условиях обра-

Таблица 1

Сравнительные данные о влиянии электромагнитного поля коронного разряда на возникновение хромосомных перестроек в клетках первичной меристемы корешков различных сортов томата

Исходный образец	Экспозиция, мин	Пионер						Алпатьева 0905					
		Проанализированных ана-и телофаз	Количество перестроек				Достоверность разницы	Проанализированных ана-и телофаз	Количество перестроек				Достоверность разницы
			всего	$P \pm S_p$ %	из них фрагментов	из них мостов			всего	$P \pm S_p$ %	из них фрагментов	из них мостов	
Контроль		460	6	1,30±0,52	6			465	7	1,51±0,56	7		
Воздушно-сухие семена	10	435	8	1,84±0,65	8		0,66	435	9	2,07±0,68	9		0,64
	20	440	11	2,27±0,70	9	2	1,31	405	13	3,21±0,87	12	1	1,68
	30	447	17	3,82±0,90	15	2	2,44	443	19	4,26±0,95	17	2	2,50
	40	442	22	4,97±0,10	19	3	3,13	420	21	5,00±1,06	18	4	2,99
Проросшие семена	10	353	13	3,68±1,00	11	2	2,24	387	15	3,89±0,98	13	2	2,20
	20	333	20	6,00±1,30	16	4	3,37	380	22	5,78±1,19	18	4	3,39
	30	326	21	6,40±1,33	17	4	3,92	372	24	6,45±1,27	20	4	3,80

ботки электромагнитным полем обнаружены немалые различия по числу аберраций в клетках корневой меристемы изучаемых образцов томата. У сорта Алпатьева 0905 оказалось больше структурных изменений хромосом, чем у сорта Пионер.

Показана прямо пропорциональная связь между цитогенетическим эффектом и экспозицией электромагнитной обработки. Хромосомные перестройки были выявлены при относительно непродолжительной выдержке семян в поле коронного разряда — в течение 10 мин. Их становилось больше по мере увеличения экспозиций. При этом следует отметить, что нами использованы биологически допустимые экспозиции, за пределами которых проявляется их угнетающее и повреждающее действие, вызывающее гибель значительной части растений.

Установлены различия в характере индуцированных аберраций при обработке коронным разрядом воздушно-сухих и прорастающих семян. В первом случае оказалось меньше хромосомных перестроек, чем во втором, что свидетельствует об относительной устойчивости к экстремальным факторам семян, находящихся в состоянии покоя, и, наоборот, повышенной чувствительности на первоначальном этапе прорастания.

Во всех вариантах опыта преобладали структурные изменения хромосом типа фрагментов, что подтверждает данные о глубине воздействия электромагнитного поля на материальные основы наследственности.

В третьей серии опытов в качестве индуцирующего фактора использовали химические мутагены: диметилсульфат (ДМС) и циклофосфан (ЦФ). Объектом исследования служила фасоль сорта Золотая гора, семена которой повторно (M_1) обрабатывали растворами взятых мутагенов в концентрациях 0,01, 0,03 и 0,05 % (выдерживали 24 ч, после чего промывали в течение 1 ч). Во втором и последующих поколениях семена снова обрабатывали растворами мутагенов в тех же концентрациях в течение 12 ч с последующей промыв-

кой. Контролем служили исходные образцы фасоли, не подвергавшиеся обработке химическими мутагенами. Примененная схема постановки эксперимента позволила определить «вклад» каждой очередной обработки мутагенами в изменчивость растений.

Цитогенетические исследования показали прямую зависимость количества хромосомных аберраций от концентрации мутагена и числа последовательных обработок.

Во втором поколении после повторной обработки семян мутагенами количество митозов с аберрациями хромосом было значительно больше, чем в M_2 без повторной обработки. В M_2 без обработки семян мутагенами наблюдали сравнительно небольшую частоту митозов с хромосомными перестройками, но достоверно выше, чем в контроле. Эти данные говорят о том, что мутационный процесс у растений, обработанных мутагенами в M_1, еще не закончился и продолжает идти отбор мутантных клеток.

Отмечалось незначительное увеличение хромосомных нарушений в M_2 после повторной обработки по сравнению с числом аберраций в M_1. Можно предположить, что, вероятно, происходит некоторая адаптация семян к действию мутагена, а также возможно течение репарационных процессов, снижающих повреждающий эффект мутагенного воздействия.

В третьем поколении после последовательной обработки трех поколений количество митозов с аберрациями не превышало соответствующие показатели в M_2 после двукратной обработки семян мутагенами (табл. 2). Цитогенетический анализ показал, что и в четвертом поколении, после трехкратной обработки мутагенами, обнаруживаются аберрации в гораздо большем количестве, чем в контроле. Эти данные говорят, что мутационный процесс, индуцированный мутагенами в предшествующих поколениях, продолжается.

Таблица 2

Влияние последовательных обработок семян фасоли сорта Золотая гора химическими мутагенами на выход хромосомных аберраций

Мутаген	Концентрация, %	Частота хромосомных аберраций (M ± m), %						
		M_1+	M_2+	M_2++	M_3+++	M_3+++	M_4+++	M_4++++
Контроль	0	1,06±0,36	1,06±0,35	0,96±0,10	0,96±0,10	0,81±0,29	0,81±0,29	
ДМС	0,01	8,23±1,19	2,04±0,44	16,14±1,02	2,24±0,14	14,68±1,09	2,38±0,49	12,92±0,99
ДМС	0,03	14,05±1,49	6,68±0,71	26,81±1,27	5,09±0,66	24,81±1,36	4,41±0,60	25,01±1,36
ДМС	0,05	28,31±1,97	8,08±0,78	34,86±1,44	8,54±0,84	32,98±1,50	8,24±0,79	34,01±1,49
ЦФ	0,01	6,84±2,67	2,86±0,50	10,81±0,98	2,90±0,52	6,64±0,90	2,41±0,51	8,92±0,81
ЦФ	0,03	9,14±1,17	6,08±0,82	27,97±1,46	6,86±0,75	24,01±1,52	5,91±0,83	19,81±1,13
ЦФ	0,05	18,92±1,57	8,64±0,78	33,21±1,56	8,04±0,86	38,61±1,85	9,03±0,80	32,31±1,64

+ — число обработок.

На основании данных цитогенетического анализа установлено, что последовательная обработка мутагенами семян M_1 и более поздних поколений приводит к стабилизации количества аберраций хромосом в M_3 — M_4. Взятые для опыта мутагены показали их высокую активность в индуцировании хромосомных аберраций, причем их количество прямо зависит от концентрации мутагена.

Таким образом, приведенные экспериментальные данные свидетельствуют об изменчивости растений под влиянием стрессовых факторов. Показано действие ионизирующих излучений, электромагнитного поля коронных разрядов и алкилирующих соединений. Разработаны методы их применения с

учетом генотипа исследуемых образцов, дозы-эффекта, экспозиции, однократной и повторной обработки. Цитогенетические исследования корневой меристемы позволили определить наиболее результативные варианты мутагенного воздействия (гамма-облучение семян люпина в дозах 125,7 Гр — для желтого и 167,6 Гр — для узколистного; обработка в поле коронного разряда воздушно-сухих семян в течение 20 — 30 мин и проросших семян продолжительностью 10—20 мин; замачивание семян фасоли в водном растворе ДМС и ЦФ в концентрации 0,05 %, а также в случаях повторной обработки).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Наумова З. П.* Практикум по цитологии растений. М.: Колос, 1970. 303 с.

2. *Сонаев Н. Ф., Объедкова Р. Н.* Суточная динамика митотической активности клеток верхушечной меристемы кормового люпина // Цитология и генетика. 1974. Т. 8, № 3. С. 241 — 244.

3. *Садовничий Б. Е.* Индуцирование наследственных изменений у томатов воздействием коронного разряда: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Горький, 1973. 24 с.

Медицина

ВЛИЯНИЕ НЕКОТОРЫХ ПЕРИФЕРИЧЕСКИХ ВАЗОДИЛАТАТОРОВ НА ТОКСИЧНОСТЬ, ХРОНО- И ИНОТРОПНЫЙ ЭФФЕКТЫ СТРОФАНТИНА

С. М. ЛЕМКИНА, В. М. ЗАЙЦЕВ
кандидаты медицинских наук

Лечение недостаточности кровообращения сердечными гликозидами довольно часто осложняется возникновением гликозидной интоксикации, которая, безусловно, значительно ухудшает прогноз основного заболевания миокарда и даже представляет реальную угрозу для жизни больного [3, 4]. Понятно, что назначение в процессе комплексной фармакотерапии декомпенсации сердца других лекарственных средств, индивидуально показанных в той или иной клинической ситуации, может существенно изменить толерантность к гликозидным кардиотоникам, спровоцировав развитие интоксикации последними или, напротив, ослабив вероятность ее возникновения [2, 3]. С другой стороны, комбинированное применение сердечных гликозидов с различными лекарствами может, очевидно, изменить не только токсичность кардиотоника, но и его основной положительный инотропный эффект, из-за которого, собственно, этот препарат и используется в медицинской практике.

Между тем работ, в которых были бы четко проведены параллели между влиянием различных лекарственных веществ, назначаемых одновременно с сердечными гликозидами, на их специфическое кардиотоническое, а также токсическое действие практически нет. Поскольку в последние годы в кардиологической клинике при лечении декомпенсации сердечной деятельности все более широкое применение находит комбинация сердечных гликозидов с периферическими вазодилататорами [4], представляло интерес изучить влияние двух сосудорасширяющих средств с разным механизмом действия — нитроглицерина и тропафена — на токсичность строфантина в условиях мо-

делированной недостаточности сердца, а также на вызванные этим кардиотоником изменения хроно- и инотропных свойств изолированной полоски миокарда.

Опыты проведены на 183 крысах линии Вистар массой 160 — 250 г, наркотизированных тиопентал-натрием (40 мг/кг внутрибрюшинно). Экспериментальную сердечную недостаточность у подопытных крыс вызывали двумя способами [3]: 1) максимально переносимой физической нагрузкой плаванием до полного истощения сил, что приводило к развитию острой декомпенсации кровообращения; 2) гистотоксическим воздействием на миокард больших доз β-адреномиметика изадрина, вызывавшего подострую недостаточность сердца.

Наличие декомпенсации сердечной деятельности у животных подтверждали типичными для этой патологии нарушениями гемодинамики, анатомо-гистологической картины внутренних органов, сдвигами электролитного баланса миокарда, а также изменениями толерантности к аритмогенному и общетоксическому действию строфантина. Последнюю оценивали методом биологического титрования минимальной аритмогенной и летальной доз (МАД и ЛД) кардиотоника [3]. При исследовании воздействия сосудорасширяющих препаратов на токсичность строфантина тропафен (5 мг/кг) и нитроглицерин (0,5 мг/кг) вводили внутривенно за 5 мин до титрования МАД и ЛД кардиотоника.

Для оценки влияния этих вазодилататоров на хроно- и инотропный эффекты строфантина были поставлены опыты на 75 свежеприготовленных препаратах изолированных предсердий лягушек озерных, причем использовали те же соотношения концентраций лекарственных препаратов, что и в опытах на живых животных. Силу и частоту сокращений полоски миокарда исследовали в изометрическом режиме с помощью механотрона 6МХ2Б [1, 6]. Методика приготовления препарата изолированного предсердия лягушки, ход эксперимента и принципиальная блок-схема установки для регистрации вышеуказанных параметров описаны ранее [6].

Результаты каждой серии опытов обработаны общепринятыми методами вариационной статистики.

Полученные нами данные о влиянии периферических вазодилататоров на токсичность строфантина представлены в табл. 1, из которой видно, что

Таблица 1

Влияние периферических вазодилататоров на толерантность к аритмогенному и общетоксическому действию строфантина у интактных крыс и при моделированной недостаточности сердца

	Доза строфантина	Условия эксперимента		
		интактные животные	при острой декомпенсации сердца	при подострой декомпенсации сердца
Контроль				
МАД		7,6±0,11	5,0±0,10 $P<0,001$	5,0±0,22 $P<0,001$
ЛД		14,6±0,20	11,4±0,14 $P<0,001$	11,7±0,58 $P<0,001$
После премедикации тропафеном				
МАД		7,8±0,20 $P_{1,2}>0,05$	6,7±0,22 $P_{1,2}<0,001$	6,1±0,30 $P_{1,2}<0,01$
ЛД		14,8±0,21 $P_{1,2}>0,05$	13,7±0,42 $P_{1,2}<0,001$	13,2±0,39 $P_{1,2}<0,05$
После премедикации нитроглицерином				
МАД		7,2±0,26 $P_{1,3}>0,05$	5,3±0,34 $P_{1,3}>0,05$	5,1±0,11 $P_{1,3}>0,05$
ЛД		14,2±0,35 $P_{1,3}>0,05$	11,3±0,40 $P_{1,3}>0,05$	10,8±0,38 $P_{1,3}>0,05$

тропафен и нитроглицерин оказывали различный эффект на толерантность подопытных животных к сердечному гликозиду, что, возможно, объясняется особенностями механизма действия этих препаратов. В самом деле, нитроглицерин, уменьшающий венозный тонус [4], практически не изменял толерантности к строфантину, сохраняя свойственную декомпенсации миокарда гиперчувствительность к этому кардиотонику; α-адреноблокатор тропафен, снижая тонус артериол [4], ока-

зывал определенный защитный эффект в отношении кардиотоксичности строфантина при экспериментальной сердечной недостаточности, в особенности вызванной физической перегрузкой животных, когда действие гуморальных факторов стресса проявлялось наиболее отчетливо. Интересно отметить, что в отсутствие симпатической вазоконстрикции (у интактных животных) тропафен, несмотря на свои антиадренергические свойства, не оказывал протекторного эффекта, поскольку в миокарде преимущественно представлены β-адренорецепторы [2, 4].

Понятно, что комбинированное применение вазодилататоров с сердечными гликозидами не исключает возможности определенного ослабления положительного инотропного действия кардиотоника. Поэтому нами специально было изучено влияние каждого из сосудорасширяющих препаратов в отдельности и их лекарственной комбинации с гликозидным кардиотоником на силу и частоту сокращений изолированного предсердия лягушки. Из данных, представленных в табл. 2, видно, что строфантин в течение 10 мин экспозиции в кювете оказывал двух-

Таблица 2

Влияние терапевтических концентраций строфантина [10^{-3} г/л], тропафена [$5 \cdot 10^{-6}$ г/л], нитроглицерина [$5 \cdot 10^{-4}$ г/л] и лекарственных комбинаций этих вазодилататоров с сердечным гликозидом на хроно- и инотропные параметры изолированного препарата миокарда

Экспозиция, мин	Изменения параметра при введении лекарственных веществ, % от исходного уровня				
	строфантин	тропафен	строфантин + тропафен	нитроглицерин	строфантин + нитроглицерин
Изменения амплитуды изометрических сокращений миокарда					
1	106,7±0,9*	96,1±2,5	104,4±3,4	100,4±1,7	104,9±2,9
2	118,3±1,8*	94,4±2,1*	110,0±5,0*	100,1±0,6	114,4±4,0*
3	129,6±2,6*	92,3±2,4*	120,0±5,7*	99,2±1,4	121,1±4,3*
4	138,8±2,3*	91,2±2,9*	126,3±7,2*	100,3±1,9	125,5±3,4*°
5	146,7±2,3*	90,9±3,2*	134,5±6,9*	101,5±1,8	132,6±4,0*°
6	128,7±6,5*	91,3±3,5*	131,8±7,1*	100,6±2,2	134,3±4,1*
7	119,1±6,0*	89,7±3,8*	125,9±6,6*	98,9±2,2	120,3±2,6*
8	109,3±5,5	90,1±4,4*	117,8±4,7*	99,4±2,1	114,4±2,0*
9	104,8±6,3	89,9±4,5*	113,2±4,3*	101,4±2,4	106,8±2,1*
10	98,6±6,0	89,0±3,7*	104,0±4,5	102,6±2,0	103,2±3,7
Изменение частоты сокращения сердечной мышцы					
1	99,0±0,6	100,0±0	98,6±1,3	100,0±0	100,0±0
2	97,0±1,5*	98,5±1,2	97,1±2,4	100,0±0	96,2±2,9
3	94,8±2,1*	96,9±2,6	92,9±4,2	97,2±2,6	92,8±4,0
4	92,0±2,3*	95,4±3,3	89,4±3,2*	95,2±3,6	91,3±4,9
5	82,6±3,0*	94,1±3,5	83,0±2,5*	93,0±5,2	86,8±5,1*
6	74,6±4,2*	92,9±4,2	76,9±3,0*	91,0±5,0	82,7±4,2*
7	71,7±4,7*	89,1±5,2*	69,3±4,1*	89,0±4,1*	81,0±5,0*
8	69,3±4,6*	87,6±5,9*	66,4±3,8*	86,3±5,7*	78,2±3,5*
9	69,3±4,6*	85,5±5,2*	65,0±4,4*	84,2±6,6*	76,7±3,3*
10	67,7±5,2*	84,3±5,6*	63,3±3,4*	82,2±5,5*	74,5±1,8*

Примечание. * — достоверные различия по сравнению с исходным (100 %) уровнем до введения лекарств, °— достоверные сдвиги по сравнению с эффектом строфантина (10^{-3} г/л).

фазное влияние на амплитуду изометрических сокращений полоски миокарда. Действительно, первоначально наблюдаемый кардиотонический эффект сердечного гликозида сменялся в последующем его заметным уменьшением, причем начиная с 8-й минуты опыта контрактильные свойства предсердия практически не отличались от исходных значений.

Полученные нами результаты, несомненно, являются экспериментальными

ным подтверждением высказанного рядом ученых предположения о двухфазности ответа сердечных гликозидов [5, 7]. В опытах на изолированных препаратах сердца, кроме того, отчетливо выявлен отрицательный хронотропный эффект строфантина, что, очевидно, дополнительно свидетельствует и о прямом тормозном влиянии сердечных гликозидов на синусовый узел, отмеченном ранее другими исследователями [2]. Тропафен, сам по себе оказывающий слабо выраженные отрицательные хроно- и инотропный эффекты, в комбинации с сердечным гликозидом не вызывал достоверных изменений кардиотонического и брадикардического действия последнего.

Изолированное введение нитроглицерина в кювету с находящимся в ней предсердием лягушки практически не влияло на его сократимость в течение всего периода экспозиции лекарственного препарата, а умеренно выраженное достоверное угнетение частоты сердечного ритма наблюдалось лишь в последние 4 мин воздействия этого препарата. В комбинации со строфантином нитроглицерин первоначально обнаружил тенденцию к уменьшению положительного инотропного эффекта кардиотоника, а на 4—5-й минуте даже достоверно снижал этот параметр. Вместе с тем начиная с 6-й минуты экспозиции лекарственных препаратов нитроглицерин, напротив, выявил тенденцию к замедлению скорости ослабления кардиотонического действия сердечного гликозида. Следует заметить, что достоверных изменений отрицательного хронотропного эффекта строфантина под влиянием нитроглицерина при комбинированном введении этих препаратов не наблюдалось.

Таким образом, полученные нами в экспериментах на моделях острой и подострой декомпенсации сердца, а также на изолированных препаратах миокарда данные свидетельствуют о различиях во влиянии на токсический, хроно- и инотропный эффекты строфантина артериолярных (тропафен) и венозных (нитроглицерин) вазодилататоров. α-адреноблокатор тропафен, несколько ослабляя токсичность сердечного гликозида при декомпенсации кровообращения, не вызвал достоверных изменений хроно- и инотропных параметров этого кардиотоника. Нитроглицерин, напротив, не обнаружив влияния на аритмогенное и общетоксическое действие строфантина в опытах на живых животных и практически не изменив отрицательного хронотропного эффекта кардиотоника, достоверно ослаблял на 4—5-й минуте эксперимента его положительное инотропное действие. Представленные данные о влиянии вазодилататоров на основные эффекты строфантина, по-видимому, могут быть полезными для определения индивидуальной тактики гликозидотерапии больных с сердечной недостаточностью при выборе конкретных доз кардиотоников этой лекарственной группы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Блюттнер Р., Классен Х., Денерт Х., Дёринг Х.* Эксперименты на изолированных препаратах гладких мышц. М.: Мир, 1983. 206 с.

2. *Гацура В. В., Кудрин А. Н.* Сердечные гликозиды в комплексной фармакотерапии недостаточности сердца. М.: Медицина, 1983. 224 с.

3. *Генденштейн Э. И., Лемкина С. М., Сергов Л. Н.* Гликозидная интоксикация при экспериментальной сердечной недостаточности и ее лекарственная коррекция // Фармакология и токсикология. 1985. № 6. С. 83 — 86.

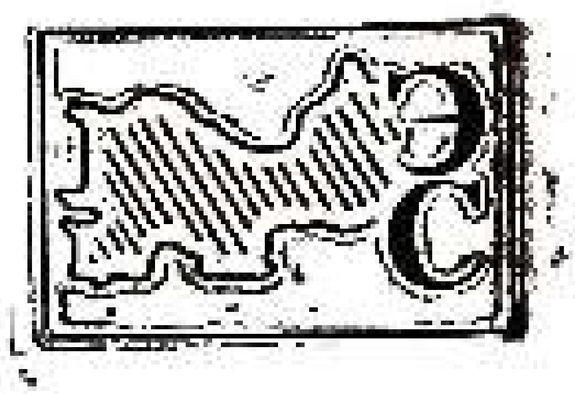
4. *Грицюк А. И.* Пособие по кардиологии. Киев: Здоровья, 1984. 560 с.

5. *Ижиков В. Ф., Мархасин В. С., Шиврин П. Б.* Инотропное действие сердечных гликозидов в свете современной концепции электромеханического сопряжения в миокарде // Успехи физиол. наук. 1979. Т. 10, № 2. С. 73 — 96.

6. *Лемкина С. М.* Влияние различных концентраций строфантина-К и его комбинации с изоптином на хроноинотропные параметры изолированной полоски миокарда и потребление им кислорода / Мордов. ун-т. Саранск, 1991. 25 с. Деп. в ВИНИТИ. 09.08.91. № 3413-В91.

7. **Lüllmann** et al. Cardiac glycosides with different effects in the heart // Basic. Res. Cardiol. 1984. V. 79, Suppl. P. 93 — 101.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МОРДОВИИ



КРАСНОСЛОБОДСКИЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ — один из древнейших в Мордовии. Основан в первой половине XVII в. старцем Дионисием, получившим учредительную грамоту Патриарха Никона в 1655. Был расположен в 5 верстах к юго-востоку от г. Краснослободска на правом берегу Мокши. Проживало 16 монахов и 45 послушников. Владел 1439 дес. земли, имелись водяная мельница, сад. Русские самодержцы и патриархи всероссийские знали «Спасову пустынку», наделяли хлебным и денежным жалованьем, землями, лесами. Дар царя Федора Алексеевича — трехпудовый колокол — сохранялся в обители до 1917. Наиболее почитаемыми святынями были икона Казанской Божьей Матери работы византийских мастеров и могила бывшего настоятеля обители иеромонаха Герасима. Церковно-монастырские постройки представляют ценность как памятники архитектуры.

Лит.: Краснослободский Спасо-Преображенский общежительный мужской монастырь. М., 1896; **Маскаев М.** Монастыри Мордовии // Сов. Мордовия. 1990. 1 — 2 дек.; Памятники церковного зодчества // Терехин А. Ф., Терешкин И. С. Достопримечательности Мордовии. Саранск, 1989. С. 88 — 92; Православные монастыри Российской империи. М., 1908; Старец Герасим // Пенз. епарх. ведомости. 1875. № 1. С. 13.

А. И. БЕЛКИН

* * *

ИОАНН (иеромонах), в миру Иван Федорович Стефанов (1670 — 1737) — основатель и первый настоятель Саровского муж. монастыря. Род. в семье причетника в с. Новый Усад недалеко от Арзамаса. В 19 лет пострижен в монахи с именем Исаакий. В 1692 в Москве И. рукоположен в сан иеромонаха. Будучи настоятелем Арзамасского Введенского монастыря, активно выступал против раскола, но по доносу был обвинен в приверженности к нему. Оправдан, после чего ушел в Саров. В 1706 построил церковь на валу старого города, положив начало Саровской обители. Вскоре она признается независимой от Арзамасского Введенского монастыря и И. назначается ее настоятелем. В 1733 по ложному доносу заподозрен в государственной измене. В апреле 1734 по распоряжению Тайной канцелярии И. с двумя иноками арестован, закован в кандалы и препровожден в С.-Петербург, где провел в заточении последние 4 года жизни. Похоронен в С. Петербурге при церкви Преображения Господня.

Лит.: **Поселянин Е.** Русская церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905.

Ю. В. КАЮРОВА

СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ — нештатный, общежительный. Основательница — монахиня Киевско-Флоровского монастыря Александра (в миру Агафья Семеновна Мельгунова). В с. Дивеево Ардат. у. Нижегор. губ. в нач. 1780-х на месте старой деревянной Никольской церкви сооружен каменный Казанский храм, где организована Казанская женская община. В 1789 Александра скончалась, оставив сестер общины на попечение саровских старцев о. Пахомия и о. Исайи. После их смерти заботу об обители взял на себя Серафим Саровский. В 1827 построены ветряная мельница и кельи. Тогда же община разделена на две: в Казанской остались вдовы, а Мельничная предназначалась для девушек. После смерти преп. Серафима в 1842 они объединились в Серафимо-Дивеевскую общину, кот. в 1861 преобразована в жен. монастырь. Число монахинь достигло 900. Игуменья монастыря монахиня Мария (в миру Елизавета Ушакова). Архитектурный ансамбль состоял из 5 храмов: Троицкого собора (1875); церкви Тихвинской Богоматери (1847); церкви в честь иконы «Утоли моя печали» (1850); кладбищенской Преображенской церкви (1855) и домовой церкви при богадельне. Имелись многочисл. хозяйств. постройки (около 30), больница, богадельня, училище для девочек, мастерские: живописная, литографская, портновская, ризная, свечная, красильно-малярная, стекольная и др. Построены две гостиницы для паломников, кот. привлекали личные вещи преп. Серафима, его домик, перенесенный в Дивеево из Саровского монастыря после смерти подвижника. В 1927 монастырь закрыт. В 1990 архиепископом Горьковским и Арзамасским Николаем вновь освящен Троицкий собор Серафимо-Дивеевского монастыря.

Лит.: Православныя русския обители. Книгоиздательство П. П. Сойкина. 1909; **Поселянин Е.** Русская церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905; Журнал моск. патриархии. 1990. № 8. С. 32 — 34, 71 — 72.

Ю. В. КАЮРОВА

«ИЗВЕСТИЯ САРАНСКОГО СОВЕТА КРЕСТЬЯНСКИХ, РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ», 23.08. 1918 — 27.04.1919 (№ 1 — 37). Газета Саранск. уисполкома, вых. три раза в нед. Тираж 300 — 500 экз. Переименована в «Саранскую правду».

«САРАНСКАЯ ПРАВДА» — орган Саранск. укома РКП(б) и уисполкома. 1.05.1919 — 1923. Периодичность два — три раза в нед. Тираж 700 — 1500 экз. Ред. В. Н. Вирганский, М. С. Лившиц.

* * *

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ НАБАТ» — ежедн. газета, орган Саранск. политотдела запасной армии республики. 23 — 29.10.1919 (№ 1 — 5). Объединена с газ. «Саранская правда».

* * *

«ПРОЛЕТАРСКАЯ ГАЗЕТА» — орган Саранск. укома РКП(б), уисполкома и политотдела запасной армии республики. 10.10. — 10.11.1920 (№ 1 — 25). Вых. ежедн. Тираж 1 500 экз.

* * *

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД» — орган Саранск. укома РКП(б) и уисполкома. Вых. с 14.05.1921 два раза в нед. Тираж 500 экз.

* * *

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ» — Саранск. уездн. газ. 18.06 — 01.12.1921 (№ 1 — 21). Вых. еженед. Тираж 600 экз. Ред. Комлев.

* * *

«ИЗВЕСТИЯ САРАНСКОГО УКОМА РКП(б)». Газета вых. с нач. июля 1921 по 06.08.1921 (№ 1 — 4). Тираж 1 500 экз.

* * *

«ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ» — орган Саранск. укома РКП(б) и уисполкома. Вых. с 26.01.1922 нерегулярно. Тираж 1 000 экз.

* * *

«КРАСНОЕ ЗНАМЯ» — орган Саранск. укома РКП(б) и уисполкома. 27.05 — 07.11.1922 (№ 1 — 23). Вых. один раз в нед. Тираж 300 — 400 экз.

* * *

«ЗАВОД И ПАШНЯ» — орган Саранск. укома РКП(б) и уисполкома. 15.06. 1923 — 30.10.1930 (№ 1 — 1449). Вых. три раза в нед., преемница газ. «Саранская правда» (1919 — 23). Тираж 1 — 6 тыс. экз. С 04.12.1926 по 04.08.1928 — орган Саранск. и Рузаевского укомов РКП(б) и уисполкомов; С 11.08.1928 — орган Мордов. окружкома ВКП(б) и окрисполкома.

«КРАСНАЯ МОРДОВИЯ» — орган Мордов. обкома ВКП(б) и облисполкома), 01.11.1930 — 19.06.1951 (№ 1 — 6505). Вых. ежедн. До 30.10.1930 наз. «Завод и пашня». Тираж 5 — 9 тыс. экз.

* *

«СОВЕТСКАЯ МОРДОВИЯ» — обществ.-полит. газ. Мордовской ССР, вых. с 20.06.1951 пять раз в нед., преемница газ. «Красная Мордовия» (1930 — 51). Тираж 48 тыс. экз. Ред. А. М. Пыков (1992). Награждена орденом «Знак Почета» (1968).

* *

«МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» — респ. обществ.-полит. еженед., Саранск. Вых. с 06.02.1939. В 1942 — 53 был перерыв в издании. С 01.02.1953 выходит вновь. За освещение героико-патриотич. темы и в связи с 25-летием Победы над фаш. Германией награжд. Почетн. грамотой Гл. полит. управления СА и ВМФ и правления Союза журналистов СССР. Тираж 50 тыс. экз. Ред. А. Кондрашкин (1992).

* *

«ПРЯМОЙ КОНТАКТ» — еженед. газ., Саранск, вых. с февр. 1992. Тираж 15 — 25 тыс. экз. Ред. А. Пепета.

* *

«САРАНСКИЕ ВЪЕСТИ» — орган Саранск. горсовета нар. депутатов. Вых. с 28.11.1990 один раз в нед. Тираж 10 тыс. экз. Ред. А. Новиков.

* *

«СТОЛИЦА» — Саранск. еженед. газ. Вых. с 15.11.1991. До 26.06.1992 наз. «Баня» (Бизнес: анализ новостей и явлений). Тираж 4 тыс. экз. Ред. С. Холопов.

Подборку материалов по газетам подготовил П. Ф. ПОТАПОВ

* *

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ ФИННО-УГРОВЕДОВ организуются Междунар. оргкомитетом финно-угор. конгрессов и проводятся один раз в пять лет в странах с финно-угор. населением. Способствуют глубокому познанию языка, истории, литературы, этнографии и фольклора финно-угор. народов. Первый М. к. ф. проходил в сентябре 1960 г. в Венгрии (Будапешт),

второй — в августе 1965 г. в Финляндии (Хельсинки), третий — в августе 1970 г. в Эстонии (Таллинн), четвертый — в августе 1975 г. в Венгрии (Будапешт), пятый — в августе 1980 г. в Финляндии (Турку), шестой — в июле 1985 г. в Коми ССР (Сыктывкар), седьмой — в августе-сентябре 1990 г. в Венгрии (Дебрецен). Кроме представителей финно-угор. народов в работе конгрессов участвовали ученые из США, Германии, Югославии, Швеции, Франции, Японии и др. стран. Материалы М. к. ф., как правило, издаются.

О. Е. ПОЛЯКОВ

* * *

ВОЛЖСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ — историч. общность языков мордвы (мокши и эрзи) и марийцев, существовавшая с конца 1 тыс. до н. э. до 1 тыс. н. э. Вопрос о В. я. о. спорный. Б. А. Серебренников считает, что ее не было, ибо мордов. яз. типологич. и лексич. больше связаны с прибалт.-фин. яз., чем с марийским. Л. П. Грузов в пользу существования В. я. о. приводит специфические случаи мордов.-марийских языковых связей в лексике, грамматике, фонетике.

Лит.: **Грузов Л. П.** Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969; Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974; **Хайду П.** Уральские языки и народы. М., 1985.

О. Е. ПОЛЯКОВ

* * *

ДВУЯЗЫЧИЕ — знание двух языков и пользование ими. Д. может быть контактным, возникающим в результате совместн. жизни двух народов, и неконтактным, когда контакт между народами отсутств. В Мордов. ССР наиболее распростр. типом Д. является нац.-рус. (мокш.-рус. и эрз.-рус.), более 80 % мокшан и более 90 % эрзян свободно владеют рус. яз. Рус.-нац. Д. на территории Мордовии наблюдается редко, только 3 % русских знают мокш. яз., 4 % — эрз. В Мордов. ССР встречаются и другие виды билингвизма: тат.-мордов., мордов.-тат., тат.-рус., рус.-тат. Для части мордов. населения характерен неконтактный тип Д., когда те или иные лица кроме родных языков владеют каким-либо специально изученным иностранным.

О. Е. ПОЛЯКОВ

* * *

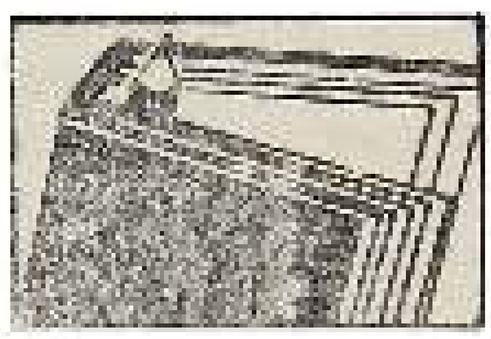
МОКШАНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ на территории Мордов. ССР образуют три большие группы: центр., западн. и юго-вост. (классификация А. П. Феоктистова). Центр. диалект лежит в основе мокш. лит. яз. Распростр. в Краснослободском, Атюрьевском, Ельниковском, Старошайговском, Темниковском р-нах. Говоры центр. диалекта неоднородны: в сев. употребл. твердый **с** вместо мягкого **с'**; в южн. в начале слова отсутств. зв. согл. **б, г, д, ж, з**; на сев. и юго-зап. вместо мокш. лит. **ä** выступает **э**, вместо лит. **э** — **и**. Западн. диалект распростр. на территории Зубово-Полянского, Ковылкинского и Торбеевского р-нов. Здесь встреч. слова, кот. характерны только для говоров западн. диалекта (**шумбас** «заяц», **моркш** «стол», **такья** «шапка» — лит. **нумол, шра, вазь**); употребл. особая притяжат. форма существ. (**вэл'ьн'ьс'к** «на-

ше село», **вэл'ън'ъкä** «наши села» — лит. **вэл'ън'кä**). Юго-вост. диалект распростр. на территории Инсарского, Ковылкинского, Рузаевского р-нов. В речи отсутств. ä переднего ряда; фонема **й** переходит в мягкий **ш'** перед показателем мн. числа.

Лит. **Феоктистов А. П.** Мордовские языки. Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975.

О. Е. ПОЛЯКОВ

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ



НОВОЕ ИМЯ В КРАЕВЕДЕНИИ МОРДОВИИ

Всем жителям Мордовии, кто интересуется историей родного края, хорошо известны имена первых краеведов: Г. Петерсона, С. Вернера, Н. Руткевича. Но был и еще один человек, внесший неоценимый вклад в изучение истории Мордовии. Это священник Саранской Троицкой церкви Алексей Илларионович Масловский. Около трехсот статей было им опубликовано в «Пензенских епархиальных ведомостях» и «Пензенских губернских ведомостях».

А. И. Масловский окончил Пензенскую духовную семинарию. Прихожане очень любили его, всегда обращались за советом. При церкви Масловский устроил богадельню на средства местных купцов. В своем приходе он открыл церковно-приходскую школу, после окончания которой наиболее способные дети направлялись учиться дальше. По его инициативе в Саранске в 1862 г. была открыта женская прогимназия, находившаяся на Московской улице. Здесь в 1875 — 1876 гг. Алексей Илларионович был законоучителем. Преподавал он также в Саранской средней школе и в четырехклассном городском училище. Много сил приложил А. И. Масловский, чтобы открыть земские школы в селах Саранского уезда, сам подыскивал учителей.

Алексей Илларионович много занимался самообразованием, выписывал газеты и журналы «Дело», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др. Он стремился обучить прихожан грамоте, чтобы они были в курсе всех дел в стране. Он мечтал основать в Саранске библиотеку, но на это средств не было, поэтому Масловский открыл свечную лавку, прибыль от которой он отдавал школе и на создание библиотеки.

В республиканском краеведческом музее, к сожалению, нет фотографий, документов, касающихся деятельности А. И. Масловского, однако здесь бережно хранятся бесценные тома «Пензенских епархиальных ведомостей» и «Пензенских губернских ведомостей», где опубликованы статьи знатока истории Саранска и церквей города, много работавшего с материалами архивов.

В 1892 г. в Саранске вспыхнула эпидемия холеры. Алексей Илларионович посещал дома больных, помогал людям, чем мог. Но вскоре сам заболел и 25 августа 1892 г. его не стало.

И. Л. ПЫРСИКОВА, старший научный сотрудник республиканского краеведческого музея

ЗНАТОК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЛИГИИ

(К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФИНСКОГО РЕЛИГИОВЕДА УНО ХАРВЫ-ХОЛМБЕРГА)

31 августа 1992 г. исполнилось 110 лет со дня рождения известного финно-угроведа, блестящего знатока и исследователя религиозных верований восточных финно-угров Уно Харвы-Холмберга. С ранних лет, готовясь к карьере священнослужителя, он испытывал интерес к различным формам религиозной жизни. Однако пасторская деятельность не удовлетворяла У. Харву-Холмберга, и он стал исследователем. Большое влияние на выбор его жизненного пути оказали крупные финно-угроведы Э. Вестермарк и К. Крон. Под руководством последнего У. Харва-Холмберг в 1913 г. защитил диссертацию на тему «Божества воды финно-угорских народов». Спустя год вышел в свет фундаментальный труд «Permalaisten uskonto», подготовленный на богатом фактическом материале, собранном автором в удмуртских деревнях в 1908 и 1911 гг. Дальнейшая научная деятельность У. Харвы-Холмберга связана с сотрудничеством с Дж. А. Мак Куллохом, работой над выходящей в Нью-Йорке серией «Мифология всех рас». Труды финского ученого получили высокую оценку научной общественности. В 1926 г. он был избран профессором университета в Турку, где работал вплоть до смерти 13 августа 1949 г. [3, 5].

Перу У. Харвы-Холмберга принадлежит не потерявшее своей значимости до настоящего времени исследование «Религиозные верования мордвы», опубликованное в 1952 г. в Хельсинки. Это был последний труд ученого, в котором великолепно проявились его методика работы с источниками, умение анализировать явления мировоззренческого характера, безупречная стилистика. Книга эта многоплановая. Автору удалось поставить проблемы, выходящие далеко за рамки анализа мировоззрения мордвы. Он первым из зарубежных исследователей серьезно рассмотрел вопросы источниковедения и историографии истории и культуры мордовского народа. Выделяя источниковые аспекты темы, он указывал на неравноценность различных свидетельств. Одни авторы, по его мнению, давали избыточную информацию, другие — весьма скудную. К числу первых У. Харва-Холмберг отнес, например, Юлиана и Иософата Барбаро. Финский ученый считал, что четкую границу между источниками и исследованием установить достаточно сложно. Например, труды П. Витсена можно рассматривать как источник, ибо они содержат описания явлений, виденных автором или известных по чужим рассказам, а с другой стороны — это научное исследование, выполненное в соответствии с уровнем развития науки того времени.

Детальному разбору У. Харва-Холмберг подверг работы, вышедшие в XIX — начале XX в. Он довольно высоко оценил исследования И. П. Смирнова и Х. Паасонена о мордве, критически подошел к книгам А. Мельникова-Печерского и В. Н. Майнова. Например, об А. Мельникове-Печерском ученый писал: «...работа Мельникова оказалась далеко не научной, поскольку источниками он пользовался нерегулярно, а некоторые вещи излагал, украсив их собственной фантазией» [4, S. 15].

У. Харву-Холмберга весьма интересовала проблема взаимовоздействия культур, в частности влияния извне на культуру мордвы. Он указывал: «Само собой разумеется, что мордва в различные времена подвергалась инородческому культурному влиянию» [4, S. 5]. Наиболее сильное воздействие на нее оказало общение с русским народом, «расселение которого на территории, заселенной мордвой, началось довольно рано» [4, S. 5]. В связи с этим ученый рассматривает процесс христианизации мордовского народа, который, по его мнению, на-

чался после падения Казани. Христианизация первоначально имела насильственный характер, и ее закономерным результатом явилось, с одной стороны, упорное сопротивление, а с другой — миграция мордвы на восток и юго-восток. Характер процесса изменился лишь после предоставления обращенным ряда привилегий. Поворотным пунктом в христианизации мордвы У Харва-Холмберг считает 40 — 50-е гг. XVIII в., когда произошло массовое обращение [2].

В ряде случаев явно просматривается воздействие на точку зрения У Харвы-Холмберга российской историографии. Так, даваемая им характеристика симбиоза язычества и православия в мордовской среде, по всей видимости, навеяна мыслями В. О. Ключевского. Господство православия, по мнению финского ученого, «не означало, что старые, унаследованные от отцов обычаи, сразу канули в прошлое: во многих местах, особенно в восточных областях, во время бедствий обращались к своим старым богам и средствам. Однако мордва старались скрыть свои обряды жертвоприношения от служителей церкви, одновременно они начали приносить жертвы святым русской церкви» [4, S. 6].

Симбиоз христианства и языческих верований мордвы достаточно ярко иллюстрируется, по мнению исследователя, приспособлением дохристианских традиций к православным праздникам.

В связи с изучением мировоззрения мордвы У Харва-Холмберг ставит проблему традиционной культуры народа. Его внимание в этой сфере привлекают в первую очередь обряды, наиболее тесно связанные или полностью обусловленные религией, и среди них погребение, рассматриваемое им детально. Финский ученый писал: «Проводить покойного в последний путь у мордвы, как, впрочем, и у других народов, считалось священным долгом всех его близких и знакомых» [4, S. 26]. У. Харва-Холмберг охарактеризовал действия, предшествующие похоронному обряду (омовение, одевание и т. п.), отметил наличие у мордвы специальной погребальной одежды — одрат, уделил внимание предметам, которые клались в могилу.

Мордовская мифология является наиболее разработанной в творчестве У. Харвы-Холмберга роблемой. Систематизируя имеющийся у него материал, религиовед из Финляндии зафиксировал довольно стройную иерархию богов, дал систему их взаимоотношений и взаимовлияний. Он предложил свое, во многом отличное от российских исследователей, видение мордовской мифологии, которая состоит как бы из нескольких рядов.

Вершиной божественной иерархии у мордвы является бог (Шкай, Нишке), которого исследователи трактовали как олицетворенного создателя. У Харва-Холмберг высказал иную точку зрения. Следом за Х. Паасоненом он считал, что сама идея творения-создания совершенно чужда мордве [4, S. 144], следовательно, мифы о творении не являются архаичными. По сути дела был сформулирован вывод об их позднем происхождении. В связи с этим нам представляется голословной критика профессора Н. Ф. Мокшина в адрес финского исследователя по поводу его неспособности раскрыть идею возникновения верховного бога у мордвы [1, с. 13].

Помимо верховного бога высший ряд мордовской мифологии, по мнению У. Харвы-Холмберга, включал в себя божества, обитающие на небе или между небом и землей. Причем он отметил двойственность этих божеств, их существование в двух лицах — мужском и женском. Впрочем, этот принцип исследователь считал характерным для всей мифологической системы мордвы.

Следующий ряд божеств, выделяемый У Харвой-Холмбергом, включал в себя земные божества (земли, поля, луга, воды и т. п.). Он писал: «Вполне понятно, что там, где занимаются земледелием, земля становится предметом особого почитания. Мордва почитали ее как божество» [4, S. 187]. Земные божества занимали особое место в мордовской мифологии. Ученый считая, что в ряде случаев они вытесняли в со-

знании мордвина божества первого ряда. Данный факт указывал на архаичность, древность земных божеств.

У Харва-Холмберг выделил также божества дома и деревни. При их классификации он исходил из «их мест прибывания или рода деятельности» [4, S. 255].

Творчество У. Харвы-Холмберга значительно продвинуло финно-угристику, в частности изучение истории и культуры мордвы, вперед. Им был накоплен и систематизирован огромный материал. По словам П. Равилы, «он был в своих исследованиях больше человеком факта, чем теоретиком» [5, S. 290]. И некоторые негативные черты его работ, которые являются «данью» долгое время господствовавшим в финно-угроведении идеям Э. Сетяля и У. Сирелиуса, не умаляют ценности его наследия. У. Харва-Холмберг стоял как раз на рубеже преодоления этих идей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 160 с.

2. *Юрченков В. А.* Вопросы христианизации народов Среднего Поволжья в современной буржуазной историографии // История христианизации народов Среднего Поволжья и ее марксистско-ленинская оценка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. С. 22 — 25.

3. Anzeiger der finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki: Druckerei-A. G. Der finnischen Literaturgeselschaft, 1951. 46 S.

4. Harva U. Die religiosen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki: Snomalainen Tiedeakatemia Akademia Scientiarum Fennica, 1952. 456 S.

5. Ravila P. Uno Harva // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki: Druckerei-A. G. Der finnischen Literaturgeselschaft, 1951. Bd. 30, H. 3. S. 289 — 291.

В. А. ЮРЧЕНКОВ, кандидат исторических наук

ХЕЙККИ ПААСОНЕН

(1865 — 1919)

В Большой Советской Энциклопедии ни во 2-м, ни в 3-м изданиях нет сведений о финском ученом Хейкки Паасонене, научное наследие которого составляет огромный вклад в историю исследования языков и фольклора финно-угорских народов, особенно мордовского.

Родился Паасонен в финском городе Маккели 2 января 1865 г. С раннего возраста у него проявились способности ученого. В 23 года он стал кандидатом философии, в 28 лет получил звание доцента финно-угорского языкознания при университете. С 1904 г. до конца жизни он работал в университете г. Хельсинки в качестве ординарного профессора финно-угорского языкознания.

Материалы для своих исследований Паасонен добывал не в университетских кабинетах, а в трудных и долгих путешествиях по российским губерниям, изучая быт, язык и обычаи мордовского, марийского, татарского, чувашского, хантыйского и других народов. С 1889 по 1902 г. Паасонен совершил ряд длительных поездок по Казанской, Нижегородской, Пензенской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и другим губерниям России. Материалы, собранные во время этих экспедиций, позволили ученому сделать важные обобщения по наименее изученным вопросам исторической фонетики финно-угорских и самодийских языков, проблемам первоначального родства финно-

угорских и индоевропейских языков, первобытной религии финно-угорских народов, заимствованной лексики, прародины финно-угров.

Значительную часть научного наследия Паасонена составляют исследования по мордовским языкам и мордовскому фольклору. Его диссертация «Мордовская фонетика» (1893 г.) до сих пор имеет большое значение для историко-фонетических исследований по эрзянскому и мокшанскому языкам. В вышедшей в 1909 г. «Мордовской хрестоматии» Паасонену впервые удалось установить этимологическую связь многих мордовских слов с соответствующими словами венгерского, финского и эстонского языков. Это издание является самым объемным трудом по этимологии мордовской лексики. В нем помещен словарь из 1293 эрзянских и мокшанских слов — первый мордовский этимологический словарь. Этой же проблеме финский ученый посвятил ряд статей, опубликованных в разных научных журналах того времени.

Ознакомление с довольно несовершенными и чаще всего фрагментарными записями первых образцов мордовского устного народного творчества привело фольклористов XIX в. к ложному выводу об отсутствии в мордовском стихе каких-либо метрических закономерностей. Паасонен эту концепцию подверг основательной критике в обширном предисловии к сборнику эрзянских народных песен, выпущенному им в 1891 г. В своих последующих работах ученый пришел к весьма важному заключению, что имеющиеся в мордовских песнях закономерности основываются на силлабическом строе как эрзянского, так и мокшанского народного стиха.

Неоценимым источником для изучения вопросов мордовской диалектологии, народной поэзии, мифологии является многотомное издание мордовского народного поэтического творчества «Mordwinische Volksdichtung». Это уникальное издание занимает одно из первых мест среди книг подобного рода. Поиск материалов Паасонена начал в 1889 г., когда впервые посетил места распространения мордовской речи. При жизни ему удалось издать лишь небольшую часть собранного огромного материала. Надо отдать должное финским ученым, которые в течение многих десятилетий ведут тщательную обработку наследия Паасонена, подготавливая его к изданию. Четыре тома были опубликованы в 1938 — 1947 гг. В них вошли все мордовские фольклорные записи Паасонена. Они содержат около 2500 страниц текста в фонетической транскрипции. Мордовский текст оставлен в том виде, в каком вышел из-под пера Паасонена. Перевод дан на немецком языке. В эти тома вошли баллады, свадебные и погребальные песни, описание свадебных, погребальных и поминальных обрядов, жертвенные моления с описанием церемонии жертвоприношений, заклинания, сказки, загадки, пословицы — фольклор эрзянских и мокшанских сел восьми губерний России.

Финский ученый во время своих поездок по мордовским населенным пунктам привлекал к собиранию фольклорного материала талантливых представителей местного населения. Так, ему помогали и вели с ним переписку М. Евсевьев, И. Зорин, И. Школьников, А. Шувалов, Р Учаев С. Чигин, В. Савкин и др. Эрзянские и мокшанские тексты этих корреспондентов из мокши и эрзи (иначе их называли крестьянскими стипендиатами финно-угорского общества) вошли в 5 — 8-й тома вышеназванного издания, увидевшие свет в 1977 — 1981 гг.

Самое большое количество эрзянских текстов от одного лица представлено Игнатием Тихофеевичем Зориным. Его материалы вошли в 5-й и 6-й тома и составляют 707 страниц большого формата. Он был прекрасным знатоком и сочинителем эрзянских песен. Как эрзянского поэта-сказителя его открыл миру Паасонен, встретившийся с ним в 1898 г. В первых двух томах издания под 29 текстами подпи-

сано, что они записаны от старика Игната в с. Степные Шанталы Самарской губернии. В 5-й том вошли 70 эрзянских песен, из них, по мнению наших ученых, 40 сочинил сам Зорин. В 6-й том вошли загадки, заклинания. В этом же томе помещены письма Зорина к Паасонену. Так, в письме от 3 мая 1904 г. он пишет, что получил посланные Паасоненом деньги, очень благодарит за заботу и посылает ему еще три тетради эрзянских песен.

В 7-й том вошли материалы, собранные М. Евсевьевым, И. Школьниковым, А. Шуваловым и М. Тарайкиным. М. Евсевьев работал в основном в Кочкуровском районе, И. Школьников — в Пензенской и Саратовской губерниях. В 1899 г. собирал материалы в эрзянских селах Саратовской губернии А. Шувалов. В 1902 г. среди мокшанского населения Темниковской волости Тамбовской губернии записи делал М. Тарайкин.

В 8-й том вошли эрзянские и мокшанские материалы, собранные Р. Учаевым, С. Чигиным, В. Савкиным. Эрзянский свадебный обряд и тексты 22 различных молений были записаны Р. Учаевым в Саратовской губернии в 1912 г. Они занимают половину тома — 256 страниц. Тексты даны на трех языках — эрзянском, русском, немецком. Русский перевод сделан самим собирателем. Р. Учаев, работавший учителем, составил самый полный дореволюционный словарь сухокарбулакского говора эрзянского наречия мордовского языка, положительно оцененный А. А. Шахматовым. Мокшанские песни, моления, причитания и другие материалы собраны С. Чигиным летом 1902 г. в населенных пунктах Атюрьево, Барашево, Кишалы, Пяченолонга Темниковской волости Тамбовской губернии. Завершают том 28 мокшанских песен, собранных в 1908 г. В. Савкиным в мокшанских селах Вертелим, Темяшево (теперь Старошайговский район Мордовской ССР).

В 1901 г. в Гельсингфорсе в типографии финского литературного общества была издана книга «От Иоанна Святое Евангелие» на мокшанском языке, переведенная священником П. Барсовым из села Пшенева Инсарского уезда Пензенской губернии. В предисловии к этой книге П. Барсов писал: «Считаем долгом выразить здесь свою искреннейшую, глубочайшую благодарность г. Секретарю Финно-Угрийского Ученого Общества в Гельсингфорсе, Доктору Филологии Генриху Андреевичу Паасонену, который благоволил принять на себя труд подробно рассмотреть параллельно с греческим оригиналом наш перевод и почтить нас замечаниями и советами касательно тех мест переводного текста, кои чем-либо не удовлетворили требованиям научным».

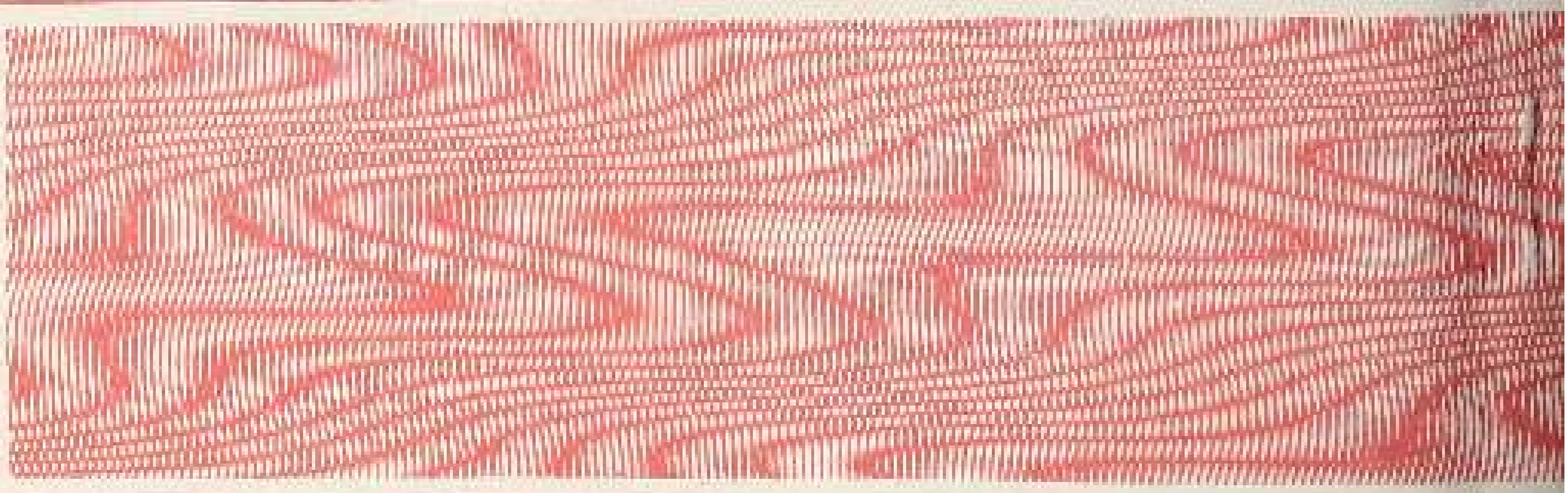
Основные труды Х. Паасонена, изданные при его жизни, — «Сборник эрзянской поэзии»; «Мордовская фонетика»; «Мордовская хрестоматия со словарем и грамматическим очерком»; «Тюркские заимствования в мордовском языке»; «Чувашский словарь»; «Очерки по истории финно-угро-самодийской фонетики».

Т. Ф. САФОНОВА, зав. сектором национальной литературы Мордовской национальной библиотеки им. А. С. Пушкина

Цена 3 р.
ИНДЕКС 73931

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2 октября 1957 г. шагнул в будущее Мордовский государственный университет, получивший в 1970 г. имя писателя-мыслителя Н. П. Огарева. За 35 лет университет стал одним из крупнейших учебных и научных центров России. Успешная работа коллектива по подготовке высококвалифицированных кадров, развитию научных исследований отмечена высокой наградой — орденом Дружбы народов. Выпускники Мордовского университета плодотворно трудятся в учебных заведениях, научно-исследовательских учреждениях, в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, культуры.

К 35-летию со дня образования вуза Издательство Мордовского университета выпустило книгу «Мордовский университет (Историко-хроникальный очерк)», которая знакомит читателей с основными направлениями деятельности этого высшего учебного заведения, с его яркой, богатой славными традициями историей. Книга подробно рассказывает о современной структуре вуза, об ученых университета, внесших заметный вклад в развитие отечественной науки.

ISSN 0236—2910